ЛУНАЧАРСКИЙ

СЕМЬ ЛЕТ Пролетарской ДИКТАТУРЫ



МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ РКП (б)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ и М. Н. ПОКРОВСКИЙ

СЕМЬ ЛЕТ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ и М. Н. ПОКРОВСКИЙ

СЕМЬ ЛЕТ
ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1925

Напечатано в типографии
ОГПУ им. тов. Воровского,
Большая Лубянка, д. 18.
Главлит 24561. Тир. 5.000.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьская[1]) революция пришла не неожиданно для нас, коммунистов, или, как мы тогда назывались, российских социал-демократов левого крыла. Уже революция 1905 года поставила ребром те вопросы, которые потом вторично и уже практически поставлены были перед нами 1917 годом. Вообще говоря, нашу революцию в России ждали десятками лет и подготовляли ее, начиная с начала XIX столетия. Но только по мере приближения этого потрясения, по мере приближения переворота, стали выясняться ее совершенно особенные и небывалые в истории человечества возможности, я говорю, в 1905 году, эти небывалые в истории человечества возможности, выявились уже довольно рельефно, хотя даже большевики больше еще уточнили свои ожидания от революции, когда вторая революция, подлинная, победоносная революция, стояла уже перед нами.

В 1905 году вопрос рисовался так: какой будет революция в России, будет ли она буржуазной, или революция будет пролетарской? Вы знаете, что Плеханов, отец того представления о рабочей революции, во имя которого развивалась Р. С.-Д. Р. П., в сущности говоря, не особенно четко определил

---

[1]) **Настоящая статья представляет собою первую часть доклада, прочитанного мною в М. К. перед агитаторами-пропагандистами. Эта часть имеет самостоятельное значение, так как во второй части перечислены были согласно тезисам Ц. К. завоевания революции, известные каждому.**

А. Л.

еще, какой характер эта революция будет носить. Всем известна его знаменитая фраза о том, что революция в России произойдет, как рабочая революция, или совсем не произойдет. Углубляясь в эту фразу, мы понимаем, что хотел сказать этим Плехановъ. Революции, которые до того имели место,—английская, французская, революции в 1848 г.,—не были пролетарскими революциями, а буржуазными; почему ж бы не ожидать в России буржуазной революции? Почему думать, что она будет обязательно рабочей? Это Плеханов мог думать на том основании, что по мере движения буржуазных революций с Запада на Восток, они оказывались все более и более нерешительными, оказывались историческими выкидышами.

Конечно, и в английской революции XVII века были коммунистические секты коммунистические об'единения, что-то вроде легкой окраски, привкуса пролетарской революции — левеллеры, напр., и т. д., но существенного значения это не имело, до власти эти люди не дошли. Другой характер носит уже великая французская революция, правда, ее коммунизм (Бабеф) тоже не дошел до власти. Но недалеко от них стояли крайние мелко-буржуазные революционеры, которые и свою революцию производили во имя бедноты, при чем она сопровождалась значительным разгромом незыблемых устоев собственности, значительным штурмом против богатства. Это была мелко-буржуазная, плебейская, как выразился Маркс, революция, оставившая глубокий след, и Маркс мог сказать, что французские революционеры показали пример пролетариату, как надо делать революцию, своей тактикой времен захвата власти крайними левыми группами Конвента. Но все-таки эта революция была мелко-буржуазной, так

как пролетариат, как таковой, выявить себя иначе, как отдельными небольшими группировками тогда еще не мог. В революциях 1848 г. иначе обстоит дело. Чартистское движение выступает, как определенно социалистическое, в массовых своих проявлениях, февральская французская революция через несколько месяцев приводит буржуазию к необходимости с оружием в руках защищаться против пролетариата. Правда, пролетариат был разгромлен, но ценой известных жертв во всяком случае он потряс буржузию порядочно. А Маркс, в Кельне, издавая свою «Новую Рейнскую Газету», считает ее органом пролетарской революции и, хотя серьезной опоры она себе не находит, но во всяком случае то, что он может эту газету, как некое красное знамя, развернуть на всю Германию, показывает, что какие-то пролетарские элементы вокруг уже существовали. И вот мы видим, что революция 1848 года в Германии и Австрии проходит уже под знаком явно выраженного страха перед пролетариатом, т.-е. буржуазия сознательно сдает свои позиции, и не только крупная буржуазия, это было бы неудивительно—и во французскую революцию она была нерешительной, но и самая мелкая буржуазии. Демократия в германскую революцию 48-го года оказалась совершенно мусорной, опереточной, лишенной всякой политической энергии. Почему? Главным образом потому, что развитие революции до конца казалось руководителям буржуазной революции в Германии опасным, в виду возможности развязать рабоче-крестьянскую революцию.

Если мы возьмем изолированный эпизод французской Коммуны, то мы увидим здесь лишнее доказательство того, о чем я говорил. По существу говоря, Коммуне предшествовала тоже буржуазная

революция. Режим Наполеона III был режимом империалистическим, тираническим, опиравшимся на биржу, на верхи буржуазии, в конце своего существования по крайней мере. И, когда после разгрома французской армии буржуазия смахнула Наполеона III, так как считала его режим компрометирующим страну, когда в результате поражения механически свалился Наполеон III, буржуазная республика выплыла на первый план. Это была революция, правда, отвратительная, в высокой степени жалкая по своим лозунгам, в высокой степени возмутительная по личностям (Фавр, Тьер), этим ненавистным Марксу людям, возмутительная по тому человеческому сору, который она вынесла на поверхность.

Но если эта революция сама по себе больше была вызвана войной, чем протестом буржуазии, если она действительно заслуживала всяческого осмеяния, то зато пролетарская революция в ее недрах выросла настолько, что смогла дать Коммуну, т.-е., первый, хотя кратковременный, только в Париже господствовавший, но первый проблеск чего-то вроде диктатуры пролетариата. Если хотите, Коммуна, теперь мы можем это сказать, была первым проблеском Советской власти, она очень близка по своему характеру к тому, что мы называем Советской властью. Ее идея создания во всей Франции коммун и федерации коммун показывает, насколько пролетариат и городская беднота правильно нащупывали свои революционные пути.

Так вот, именно поэтому Плеханов совершенно правильно умозаключил—никогда русская буржуазия *своей* революции не сделает. Она будет мириться, насколько возможно, с самодержавием, она будет итти по отношению к нему на всякие уступки. Хотя капитализм, сама стихия развития промыш-

ленности и торговли выйдет за рамки самодержавия, хотя рамки самодержавия будут калечить капитализм, но капиталисты будут мириться с этим пленом, будут спокойно спать в когтях старого политического уклада, потому что они будут бояться, разрушив этот уклад, стать лицом к лицу перед новой волной революционного движения, которое может оказаться сильнее их.

Конечно, вряд ли хоть один буржуазный мыслитель, или деятель, или капиталист при этом допускал мысль, что пролетариат сможет победить и установить социалистический строй. Но они с ужасом думали о наступающих временах «грабежа», они думали, что пролетариат вызовет повторение заставившей ужаснуться всю буржуазию Коммуны. Вот подходя с этой точки зрения к русской буржуазии, можно было предсказать, что русская революция страшно запоздает. Те классы, которым по законам развития было предуказано сделать революцию против русского самодержавия, они должны были отказаться от нее. До самых последних пределов оппортунизма должны были они дойти. Ясно, что при таких условиях задача выполнить эту буржуазную революцию должна была лечь на плечи пролетариата.

Но хорошо ли, что пролетариат должен был выполнить чужую задачу, задачу политической революции? Вопрос тем более пикантный, что ставился уже в период, когда к разрешению его подошли народники. Народники тоже ставили этот вопрос и дебатировали его бесконечно, вовсе не принимая, впрочем, во внимание пролетариата.

Какая революция должна произойти в России? Политическая, другими словами либеральная, буржуазная, парламентская, или социальная, которую они понимали, как мужицко-социалистиче-

скую? Но эта социальная революция, мужицко-социалистическая, была, вообще, утопией. Такая революция произойти не могла. Крестьянских революций, как таковых, в особенности победоносных, не бывает. Крестьянство всегда идет за тем или иным классовым организатором и либо оказывает поддержку буржуазии, тем или другим ее слоям, либо пролетариату. Во всяком случае Плеханову приходилось отвечать на уже созревшую доктрину. Нам в России политическая революция не нужна. Политическая революция есть устремление к конституции, к буржуазной республике, что гнилой Запад великолепно показал нам, говорили народники. Это обман! Под этим ведь, и мы теперь подписываемся, когда говорим о западно-европейской демократии. Такая революция нам не нужна. Революция должна быть социальной, должна покончить с частной собственностью и выдвинуть на первый план артельно-общинный характер. Плеханов великолепно знал, что такого артельно-общинного характера не выделишь. Крестьянство не может быть самостоятельно. Стало быть, нужно было стать на другую точку зрения, что в России произойдет либеральная, буржуазная революция? Плеханов прямого ответа не дает, и понятно, время не давало еще возможности такой категорический ответ нащупать. Он говорил—да, нам нужна политическая революция, нам нужен парламент, нам нужна республика, нам нужно как раз то, что уже есть в Европе. Нам нужно европеизироваться. Мы, марксисты, отличаемся от вас тем, что не думаем, будто бы Россия пойдет своими особыми своеобразными путями. Россия пойдет по той же дороге, по какой шли и другие страны. Она, точно так же, пройдет через период политического переворота. после которого установится известная власть буржуазии.

Но вот в чем дело. Буржуазия за это не берется, она боится. Поэтому пролетариату придется ее на это дело толкнуть, придется ее в этом деле поддержать, придется ее революцию доделать. И пролетариат будет делать ее не во имя интересов буржуазии, а во имя своих интересов, т.-е. при этой перетряске, когда Россия из самодержавно-помещичьей, бюрократической будет превращаться в буржуазную страну, пролетариат отведет для себя возможно больше места под солнцем. Это было первоначально доктриной и для нас, и для меньшевиков, и для всей РС-ДРП.

Только дальнейшее развитие происшествий в России поставило вопрос совершенно по-иному, так, как Плеханов, может быть, и не предполагал. Владимир Ильич нащупал новое его решение и перед революцией 1905 года и во время революции 1905 года, решение, которое Плехановым было отвергнуто. Когда на Стокгольмском с'езде В. И., если не ошибаюсь, по аграрному вопросу, или обще-политическому, развернул свою картину революции, о которой я ниже скажу, то Плеханов сказал: «в твоей новизне мне старина слышится». Он принял эту доктрину Владимира Ильича за эс-эровскую. Он принял ее за сдачу социал-демократических позиций эс-эрству. Что тут произошло? В чем была разница? По мере того, как революция начала созревать, выяснилось два течения в нашей соц.-демократии: меньшевистское и большевистское. Сначала, когда произошел раскол, еще никто не знал, почему он произошел, никто не мог с точностью сказать, какой огромной важности водораздел разделил всю русскую интеллигенцию и ту часть передового пролетариата, которая была уже втянута в партию, в общем тогда довольно еще малочисленную. В чем тут было дело? Оставим в стороне ту мелко-буржуаз-

ную интеллигенцию, которая все время продолжала надеяться на народническую революцию, смотрела в сторону эс-эрства, подкрашенного разными Черновыми и т. д. Но значительная часть мелкой буржуазии не могла пройти мимо доктрины Маркса, потому что марксизм давал самую настоящую солидную опору как для революционных надежд, так и для действий. Марксизм говорит: революцию принесет с собой развитие капитализма, а развитие капитализма в России шло, и шло интенсивно. Носителем этой революции будет пролетариат, говорил марксизм. Пролетариат есть тот «народ», на который действительно можно опереться, это народ выварившийся в фабричном котле, который представляет из себя в высшей степени плодотворную почву для посева революции. Конечно, та мелко-буржуазная интеллигенция, которая, восприняв это решение, отдала свои силы пролетариату, суб'ективно очень часто так и понимала дело: иду служить пролетариату и его идеалам. Но об'ективно, для общего наблюдателя это означало: иду переложить буржуазную революцию на плечи пролетариев, которые являются реальной силой в то время, как у меня реальной силы нет. Меньшевики представляют собой мелко-буржуазную партию, подкрасившуюся сознательно или бессознательно марксизмом для того, чтобы использовать рабочих в духе буржуазной революции.

Отсюда то понимание, которое вынес Плеханов, понимание такого рода: России предстоит революция несомненно буржуазная, но буржуазия у нас—лишена политического мужества, это недоросль политический, буржуазия запуганный класс, на него расчитывать нельзя, и поэтому пролетариат должен крепко поддержать и подтолкнуть буржуазию. Суть доктрины меньшевиков заключается вот в чем:

пролетариат сам предложит буржуазии играть при ней вторую скрипку, пролетариат должен подтолкнуть и поддержать буржуазию, а так как буржуазия больше всего робела перед пролетариатом, робела перед тем, что пролетариат развернет свое красное знамя, то отсюда вытекает лозунг — не запугивать буржуазии. Не требуйте ничего от буржуазии, иначе она не сделает революции. «Будь пай-мальчик, будь скромный и аккуратный. будь настоящим марксистом - эволюционистом. Мы же, марксисты, понимаем, ведь, что экономика в России не созрела, куда нам до социалистической революции, и мы об'ясним рабочим, что их день не придет, их день придет через долгое время, а сейчас их дело поддерживать буржуазную революцию, которая даст им политическую свободу, которая даст им возможность установить германские порядки, иметь своих Бебелей в российском, конечно, рейхстаге. В общем в Германии буржуазии не плохо, и пролетариат не так уж обижен. Вот мы, меньшевики, и предлагаем такой компромисс для сил революционного пролетариата и оппозиционной буржуазии. До каких пределов мы идем? Меньшевики заявляли: мы идем до предела, который установлен по Марксу, вытекает из всех книг, т.-е., до буржуазного этапа. Но, конечно, беда в том, что существует отвратительная «марксоподобная» порода большевистских бланкистов, которые ничего не хотят принимать во внимание, они не хотят следовать разуму и не дают буржуазии делать революцию. В общем они ничего не понимают. Они наступают на пятки буржуазии, обещают заранее перегрызть ей горло, пугают ее и портят рабочих. Это—бакунисты, бланкисты, которые вовсе не являются марксистами, у которых все сводится к желанию обидеть буржуазию, ослабив тем общий фронт против самодержа-

вия. Как же это все характеризует меньшевиков, их классовую подоплеку, которой они сами подчас не сознают? Что значит: вступать на германские пути и потом итти все дальше? К чему «дальше? Дальше идет эбертовщина и шейдемановщина. Ведь и теперь II Интернационал продолжает говорить: времена не пришли еще: потребуется еще 50 — 100 лет, а нам нужно поддержать буржуазию, надо дать возможность капитализму справиться после войны и т. д. Другими словами все это мелко-буржуазное окружение рабочего класса хочет вести его по той линии, чтобы оставить пролетариат, как ворчащую, но верную собаку при буржуазии,—это их задача, их внутреннее стремление, и на этом они играют, на этом получают очень уютное место под солнцем, на этом же буржуазия постепенно приучается считать меньшевиков своей агентурой, важной частью своего аппарата. Меньшевики обладают такой способностью—данным-давно они являются агентами при буржуазии, но внутренно сами перед собой, они считают себя рабочими вождями. Это удобно для буржуазии и для меньшевиков, но скверно для рабочих. Русские меньшевики уже тогда показали, что они за птицы. Для них на деле задача была не в том, чтобы завоевать пути и этапы западно-европейского характера, а в том, чтобы устроиться благополучно по примеру социал-демократов в Западной Европе, отсюда злобные обвинения Ильича в бакунизме и эс-эрстве.

И вот большевики вдруг заявили, что у России действительно свои пути, иные, чем те, которыми шли страны Запада. Может быть они вернулись к эс-эрству? были патриотами и фантастами? Нет они исходили из совершенно об'ективных марксистских данных. Они основывались на том, что пролетариат начинает революционно быстро созревать, что у него

есть своя партия, а партия для Владимира Ильича означает организацию, которая стремится к власти. К чему Владимир Ильич приучал, когда строил партию? Почему он боролся с экономистами и предшествовавшим меньшевизму лжемарксизмом? Он потому боролся с ними, что и тогда тенденция их была такова: чисто рабочее движение—и ради бога никаких революционных бацилл, никакого влияния мелко-буржуазных бланкистов! Чистое рабочее движение выльется в народническую, в какую-нибудь расплывчатую рабочую партию в роде английской, а там, наверху, буржуазия сможет делать свою высшую политику. Владимир Ильич настаивал на том, что рабочий класс сам делает свою политику, ставит ее на первый план, борется за гегемонию, и наше дело ему помогать, дело революционеров-профессионалов. Именно развитая пролетарская авангардная сила должна уберечь рабочих от ошибок и сохранить за ними самостоятельность. Без сохранения влияния большевистской части, т.-е. если бы наш авангард был целиком меньшевистским, была бы большая беда. Лучше уж, чтобы не было никакого социалистического движения, чем был бы меньшевизм, но то, что сохранилось и выросло левое крыло большевиков,—в этом именно заслуга Ильича. Это и дало возможность рабочему классу взяться за дело самостоятельно. Если рабочая партия самостоятельна—она стремится завоевать симпатию масс, стать во главе пролетариата.

Что же, пролетариат может сделать в России революцию своими силами?

Лев Давыдович Троцкий в 1905 году склонялся к такой мысли, что пролетариат должен себя изолировать, не должен поддерживать буржуазию. Это был бы оппортунизм, но выполнить революцию одному пролетариату очень трудно, потому, что в

те времена пролетариата было 7—8% на все население, и с таким небольшим кадром не повоюешь. Тогда Лев Давыдович решил, что пролетариат должен поддерживать в России перманентную революцию, т.-е., бороться за возможно большие результаты, до тех пор, пока головешки от этого пожара не взорвут всего мирового порохового склада. У В. И. была другая система, и действительно вполне марксистски продуманная, вследствие чего и оказалось полное совпадение его прогноза с тем, что на самом деле произошло. А именно—этот авангард пролетариата должен опираться не только на рабочий класс но и на крестьянство. Вот то маленькое словечко, которое сразу меняет все. Крестьянство в России революционно или нет? Революционно в том смысле, что оно хочет землю и хочет прогнать помещиков — хочет звериным, нутряным, стихийным хотением,—и для этого ему не нужно никакого особенно классового самосознания. Это совершенно стихийное данное. Что будет делать буржуазия, что будут делать меньшевики и эс-эры, когда станут у власти? Они постараются околпачить крестьянство и земли ему не дать, а сохранить положение привилегированных классов.

Пролетариат же мог итти с крестьянами об руку как угодно далеко: полная экспроприация земель без всякого выкупа, с погромами, если нужно, против помещика, с крушением всяких привилегий помещиков. Словом, мужицкая революция нам не страшна. В каком случае мужицкая революция нам может быть страшна? А в том случае, если бы на нее насел кулак, в том смысле, если бы мужицкая революция, совершившись, повела к расслоению деревенского населения и выдвинула наиболее приспособленный к организации класс, кулачество. Тогда окажутся вместо дворян-землевладельцев —

землевладельцы из крестьян, и конец делу. Значит мужицкая революция в своем радикализме нам не страшна, а в своем стремлении к кулачеству она нам страшна, поэтому пролетариат должен овладеть этой стихией, чтоб не дать ей превратиться в буржуазную революцию, поэтому должен быть заключен прочный союз между пролетариатом и крестьянством. На первое время этот союз будет итти именно под знаком передачи земли крестьянству, а дальше мы увидим. Вл. Ильич вовсе не становился эс-эром и не грешил против марксизма, что видно из того, что Каутский, который был в то время еще приличным человеком, с ним соглашался. Он заявил, что это верно, что бы меньшевики ни говорили, нет такого закона природы, чтоб в России революция была буржуазная. Нет, пролетариат может взять власть в свои руки в момент низвержения старого порядка, но не один, а опираясь на крестьян, крестьянство сможет поддержать пролетариат. Каутский говорил, что в том случае, если пролетарская власть создаст такие экономические условия, при которых крестьяне смогут продавать хлеб по достаточно высокой цене, и доставлять крестьянам дешевый городской товар, если это будет сделано, то крестьяне будут поддерживать пролетариат охотнее, чем поддерживали буржуазию. Поэтому весь вопрос, говорит Каутский, на следующий день после рабоче-крестьянской революции, будет заключаться в торговле. Уже тогда Каутский говорил определенно—в организации товарообмена между городом и деревней лежит весь вопрос.

Так обстояло дело в 1905 году.

Когда мы подошли к 1917 г., те же позиции моментально оказались теми же силами занятыми. Что такое первая революция 1917 г.? Каков характер этой революции?

Конечно это попытка на огромном народном восстании создать чисто буржуазную революцию. Меньшевики, как по нотам, выполняют то, что они себе предписали в своих теоретических соображениях: удержать народные массы от такой революции, которая испортила бы правильность политических наслоений. Время царить буржуазии. Надо поддержать буржуазию потому, что, если буржуазия окажется сломленной на этой стадии, ничего хорошего не выйдет, будет только громадный прыжок вперед над пропастью и в конце концов возвращение назад после принесения страшных жертв. Но эта теория меньшевистская, а вот настоящая классовая подоплека этой теории заключается в том, что меньшевик, как представитель средней и мелкой интеллигенции, заключает союз с буржуазией и говорит буржуазии: «ты установишь такой режим, при котором мы, интеллигенты, будем играть рядом с тобой первую роль, а мы, интеллигенты, за это наши годы каторги, наше марксистское обучение, наш политический престиж отдадим тебе, чтоб ты смогла защититься от напора народных масс».

Угодно было исторической судьбе, чтоб это было выполнено с полной наглядностью, как в каком-то лабораторном опыте. Когда милюковская буржуазия взяла в свои руки власть, то она убедилась, что народные массы все-таки ходуном ходят и проклятые большевики ни одного часа не упускают, чтоб еще более раскачать народные массы и придать движению еще более организованности, чтоб направить его удар прямо против правительственных позиций. Тогда они явились к меньшевикам и эс-эрам и сказали им: идите в правительство. Те говорят: мы не желаем, зачем нам компрометировать себя.—Нет, уже, пожалуйста, потому что мы прекрасно пони-

маем, что без вас мы не сладим, давайте нам вашего социализма столько, чтоб нам подкрасить щеки в розовый цвет, будьте розовенькой ширмочкой между нами и народом, извольте в качестве пожарной команды заливать разгорающийся огонь революции, служите нам защитой, ибо мы без вас не сможем удержаться. И они пошли на это, меньшевики и эс-эры, для того, чтобы практически не выполнить ни одного, хотя бы малюсенького, социалистического лозунга, чтобы даже в основном вопросе войны не сделать ничего и оказаться в рядах армии хозяев этой войны империалистов, хоть жажда мира была главной причиной стихийного сдвига, который в массах произошел. Ничего в этом отношении не было сделано, только одни фразы марксистские и эс-эровские, только одни фокусы, только одни фейерверки, которыми нужно было отвлечь внимание народа и убедить его, что все пойдет благополучно.

Когда в июльские дни пролетарские и солдатские силы Кронштадта и Петрограда пошли под лозунгом «долой министров-капиталистов», то в это время это еще значило: «меньшевики и эс-эры, берите власть!» потому, что тогда власть Советов означала власть меньшевиков и эс-эров; и вот тогда Дан вышел на трибуну и сказал свою знаменитую фразу: «мы скорее умрем, чем пойдем на это!» т.-е., скорее умрем, чем изменим капиталистам, буржуазии. Вот какая самоотверженная цепная собака! Он так и чувствовал, потому что это был совсем не заблудившийся рабочий, а самый настоящий буржуа, немножко другого калибра, немножко другого образца, который внутренно прекрасно понимал, что он должен отстоять с в о й класс, с в о ю культуру, в том числе с в о ю группу интеллигентов, интеллигентных приказчиков буржуазии, от пролетариата. Они начали эту защиту еще в программе

экономистов и продолжили ее военными заговорами и прямыми фронтами в нашей гражданской войне.

Какой тактики придерживались большевики в это время? Они прекрасно поняли, Вл. Ильич больше всех и раньше всех, другие может быть впадали временно в некоторое заблуждение, а он никогда, они поняли прекрасно, что совершилась буржуазная революция и что, если буржуазная революция окрепнет, то в этом случае окажется, что, несмотря на благоприятные условия, отложена будет пролетарская революция на долгое время. Между тем, благоприятные условия были налицо, и волна пролетарских революций нагнала и захлестнула в России волну буржуазной революции. Россия дожила до буржуазной революции, но за это время буржуазия измельчала, а рабочий класс уже вырос, и в этом пункте социальная революция на полгода позднее захлестнула буржуазную революцию.

Вот это и предвидел Вл. Ильич. Но при каких условиях в России, не капиталистической стране, революция могла захлестнуть буржуазную революцию? При условии поддержки пролетариата крестьянством, только при одном этом условии. Вот, почему Владимир Ильич дает такой лозунг: крестьянский с'езд выработал свою крестьянскую программу, которая марксистски еретична, но мы поддержим ее! Почему? Потому, что мы меняем свой взгляд на аграрный вопрос? Нет! Потому, что мы заключаем союз с крестьянами, а раз мы заключили союз с крестьянством, значит мы должны были в городе разрешить вопросы по-рабочему, а в деревне по-мужицки, а затем уже разберем, что дальше будет. Но Влад. Ильич знал прекрасно, что выйдет дальше, он прекрасно понимал, что если по-мужицки разрешишь вопрос в деревне, то это еще

очень гадательно с социалистической точки зрения, потому что мужик разный бывает, мужик-труженик и мужик-торговец, мужик безлошадный, бедняк, и мужик—сельский буржуй. Вот почему первая предварительная мера, которую коммунистическая партия, опять-таки под влиянием В. И., проводит, это: взбунтовать бедняка против кулака, потому что если мы не взбунтуем бедняка против кулака, то деревня очень скоро выйдет из всякой дружбы с нами, из всякого желания итти за нами. Отсюда было ясно, когда мы убили помещиков, нам надо было начать большую борьбу против кулака, чтобы этим опасный элемент дезорганизовать.

Это и было сделано. Но вместе с тем мы обязаны были тогда вступить на путь военного коммунизма. Т. т., путь военного коммунизма вовсе не есть то, чего мы все хотели и ожидали, когда мы готовили пролетарскую революцию. Как правильно рисовал Каутский пролетарскую революцию (с ним во многом был согласен В. И.)? Как они рисовали эту пролетарскую революцию не только в такой стране, как Россия, но и вообще везде? Как военный коммунизм? Вовсе нет, как диктатуру пролетариата. Что значит «диктатура пролетариата»? Это значит—организация власти пролетарских классов над другими классами. Так как крестьянство было с нами в союзе, значит—над буржуазией и мелкой буржуазией. Вот такую диктатуру мы и предполагали. Но такая диктатура не означает исчезновения буржуазии и мелкой буржуазии, это не значило вырезать их физически или отнять у нее решительно все. Мы знаем, что в первое время В. И. обсуждал, как поставить вопрос таким образом, чтобы средние и мелкие капиталисты, оставшись под нашей контролирующей тяжелой пролетарской рукой, все же имели возможность про-

должать работать, ибо нам всем было ясно, что мы взять в свои руки все производство, всю торговлю не можем, ибо в России производство и торговля шли главным образом работой средней и мелкой буржуазии, а коммунизм мог государственно об'единить только трестированную крупную промышленность. Вот потому меньшевики и говорили: что ж из того, что вы взяли банки, из этого еще не выйдет социализма, потому что ясно-де для каждого марксиста, мало-мальски мыслящего, что социализм может об'единить только ту часть промышленности, которая созрела для социализации, а в России такая часть промышленности была невелика. Что же делать с остальною? И я помню, как В. И. чесал свою умную голову и говорил: «Эх, национализировали мы прямо чорт знает сколько!» И действительно, мы национализировали все, а затем вешали замки на мелкие заводы, национализировали торговлю вплоть до мелочной и т. д.

Что же—это была ошибка? безумие? В. И. один раз сказал, что военный коммунизм был ошибкой, но он сказал это, чтобы поскорей толкнуть нас к решительным действиям, а потом сам говорил, что он напрасно сказал: «ошибка» только потому, что хотел агитационно поскорей поднять тех людей, которые увязли в военном коммунизме, когда он стал ошибкой.

Через известный период времени военный коммунизм стал ошибкой, а мы привыкли к нему, почти что полюбили его. И вот, когда надо было понять, что его нужно отбросить, стать на новый путь, мы раздумывали и топтались на месте. А на самом деле в то время, когда эта мнимая ошибка совершалась, не совершить ее было нельзя. Почему? Потому ли, что мы все хотели удариться в погром—«грабь награбленное», считали, что нужно дать во-

лю голытьбе? — Нет, против подобных проявлений партия должна была бороться, и мы так и делали, когда случался какой-нибудь бессмысленный разгром, партия стремилась сдерживать. А дело в том, что буржуазия не приняла компромисса. Ей было предложено: «производи, торгуй, конечно, под властью пролетариата, с лишением политических прав и проч.» А буржуазия на это ответила контр-революцией и внутри и извне. Она воображала, что нас через 2 м-ца перевешает на фонарях, зачем же ей было на компромисс итти, она об'явила нам войну. А раз об'явила войну, то тут уже нельзя было рассуждать, каким образом оберечь какую-то фабрику или завод. Когда на войне бомбардируют город, то тут не спрашивают, какая посуда будет разбита. Нам надо было буржуазию раздробить, уничтожить в ее руках всякую собственность, потому что всякую собственность она обращала в оружие против нас.

Вот почему нужна была жесточайшая с точки зрения экономики марксизма нелепость—политика всеобщей национализации. Это была нелепая политика, но неизбежная! Но это одна сторона дела, а соответственно этому была и другая, которая тоже имела громадное значение.

Ну, хорошо, мы национализировали все, что принадлежало буржуазии, вплоть до последнего завода, взяли все производство и всю торговлю. И тут же мы почувствовали, что производство начинает увядать, торговля останавливается и страна чахнет. Мы чувствовали этот результат. Но что же было делать? Дать буржуазии власть совершать свои процедуры в то время—это значило бы спрыснуть живой водой полутруп своего врага, это было нельзя. Мы буржуазию придушили. Но беда в том, что в связи с этим придушенной оказалась и вся страна, временно страна требовала еще услуг частного тор-

говца, частного производителя. Этак же мы и крестьянство придушили страшно тяжелой нашей продовольственной политикой. Почему? Потому ли, что мы с самого начала среди крестьянства хотели насильно вводить коммунизм? Нет. С самого начала партия предостерегала, что вводить в деревне коммунизм палкой нельзя. Но дело было в том, что без монополии хлебной торговли, без продразверстки мы прокормиться не могли. Положение страны было в это время такое, что надо было содержать армию, которая росла и доросла до 8 миллионов, надо было ее одевать, надо было ее вооружить. Надо было, чтобы железные дороги, которые еле-еле ползли, не остановились окончательно. Надо было обеспечить города от полного разброда по селам, надо было во что бы то ни стало спасти центры, чтобы страна не превратилась в кучу песку.

Вот тогда встал первым вопрос, откуда взять хлеба? В. И. нам раз'яснял: «убеждайте крестьян дать хлеб, убеждайте дать даром, потому что мы сейчас ничего дать взамен не можем, во-первых, товарных запасов у нас мало, а в производстве еще меньше, а во-вторых, мы провезти к ним товаров не можем». Надо было еще убеждать давать не по справедливости, потому что по справедливости мы брать не могли, мы подвозить хлеб издалека не могли. Мы должны были брать достаточное количество хлеба из малоплодородных губерний, тут же, где был фронт, где лежали центры, иначе бы мы хлеба не довезли. А раз нужно было брать у крестьян бедных, это значит громить их хозяйство, это значит взять кусок их тела. А если не взять, то революция погибнет и с нею все перспективы, завоеванные революцией. Вот В. И. и просил нас убеждать, а если убеждение не подействует, то говорил: **принуждайте**.

И вы думаете, что он с легким сердцем говорил это, с легким сердцем видел, как продотряды начи-

нают сквозь землю вскрывать, где у крестьян лежит хлеб, и брать у него его прямо из-под сердца? Конечно, мы все прекрасно знали, что этим крестьянство от нас будет отброшено, что крестьянство будет нас ненавидеть. Крестьянство зашаталось, но когда среди крестьян набирали свои армии и мы и деникинцы, то каждый раз, когда проходила метла белая, крестьяне говорили: «уж лучше красная гребенка, она, правда, коротко стрижет, но все же со своим братом легче». Поэтому крестьянство там, где оно попадало под власть белых, все-таки полагало, что надо поддержать красных.

Это было хорошо, но все же мы знали, что и на Украине, и в Сибири, и под самой нашей Москвой, в тамбовской антоновщине, и под самым Петроградом (Кронштадт)—прорвались симптомы крайнего недовольства крестьян военным коммунизмом.

Что же, опять это была ошибка? Нет, не ошибка. Мы вынуждены были это делать, но это было совсем не то, что мы намечали себе сначала. То, что говорит Каутский в своей брошюре, все это прекрасно знал В. И.:—нужна прежде всего смычка с крестьянством, торговля должна быть установлена, крестьянам нужно дать возможность свободно торговать хлебом, который они производят, только тогда они начнут развертывать свое производство. Налог на хлеб должен быть по возможности низок. Нельзя у крестьян брать весь хлеб, а на остатки надо найти сбыт, чтобы крестьянин мог обменять хлеб на городские продукты и при этом по невысокой цене.

Вот почему, когда мы отвоевались от Польши и победили Врангеля, когда фронт затих и вместе с тем дело дошло до Кронштадта, В. И. одновременно дал два лозунга: новая экономическая политика и смычка с крестьянином. Коммунист, учись торговать! До сих пор ты воевал, а теперь учись торго-

вать, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. И это совершенно правильно было предложено, потому что большевистская партия, когда подходила к революции и стала ею руководить, должна была стать рабоче-крестьянской силой. И это есть единственный правильный путь, по которому в России диктатура пролетариата может проводиться.

Значит НЭП не был по существу возвращением вспять или уступкой в отношении буржуазии. В. И. был прав, когда говорил: надо уметь отступать, чтобы потом скакнуть вперед. Это не значит, что мы потерпели поражение, но это значит, что борьба велась самым тяжелым путем, грозившим разрывом с крестьянством, и новая экономическая политика помогла осуществлять программу диктатуры пролетариата в более или менее нормальных условиях.

В нормальных условиях осуществления марксизма, шествие к коммунизму имеет характер НЭП'а. Владимир Ильич сделал из этого общие мировые выводы. На опыте этом, получив подтверждение своим идеям, он сделал такие мировые выводы: во всех странах после водворения пролетарской диктатуры будет более или менее длительный период НЭП'а, сожительства буржуазии и пролетариата, причем буржуазия будет классом подчиненным, а пролетариат господствующим. Но пролетариат будет допускать буржуазию к торговле, к производству и барышам, под контролем пролетариата: во-вторых, во всем мире, во всех странах пролетарская революция возможна только в случае связи пролетариата с крестьянством, только как рабоче-крестьянская революция. Правда, в Западной Европе крестьянства меньше по отношению к пролетариату, зато в Азии крестьянства больше по отношению к пролетариату, чем у нас. Россия — это типичная

страна, показавшая, как сложится мировая революция, когда она наступит. Когда наступит мировая революция, не весь пролетариат пойдет под флагом коммуны. Мы видели это на германской и венгерской революции. Часть пролетариата останется за буржуазией, соблазненная меньшевиками. Но коммунистический пролетарский авнгард сможет опираться на крестьянскую бедноту, в первую очередь на крестьянскую бедноту Востока, которая у себя определит всю политическую судьбу, ибо другие элементы там в ничтожном меньшинстве. И если мы сделаем стык между мировым пролетариатом и крестьянством, победа за нами. Это гениальные тактические выводы, которые Владимир Ильич и коммунистическая партия сделали из своего опыта.

Теперь подойдем с несколько другой стороны. Задача законченной буржуазной революции заключается в том, чтобы установить равенство всех перед законом, установить известные формы демократии, причем это не относится к идее буржуазной революции, но к ее практике. В идее демократии должны сравнять политически всех, без различия пола, национальности, жизни, положения и т. д. Затем, буржуазная революция, законченная, предполагает полную отмену феодального режима и в смысле экономическом, т.-е. смерть земельной ренты. Вы знаете, что последовательные буржуазные мыслители, как, например, Генри Джордж, требовали, не задевая при этом буржуазной торгово-промышленной собственности, отмены земельной собственности.

Попутно мы выполнили все эти предложенные задачи буржуазной революции, и Владимир Ильич этим гордился, потому что сама буржуазия, даже меньшевики и эс-эры, ее левое крыло, этого выполнить никогда не сумели бы и не посмели бы. А мы, идя гораздо дальше, довели до предельного выра-

жения тенденции буржуазной революции, т.-е. мы сравняли женщин и мужчин, сравняли людей всех национальностей, уничтожили национальный гнет вообще и вырвали с корнем все остатки феодального режима. Владимир Ильич говорил: если бы движение за коммунизм временно не увенчалось успехом, то и тогда у нас есть чем гордиться, так как мы пошли дальше якобинцев и прочнее укрепились. Но РКП не ограничилась этим,—она поставила перед собой еще чисто коммунистические, пролетарские задачи.

Одной из основных задач после победы являлась постройка нового государственного аппарата. Мы сами не сознаем, какую мы выполнили в этом отношении значительную работу. Революция половинчатая, буржуазная, меньшевистского характера, оставляет всех чиновников на местах. Они говорят: спеца-чиновника не сдвинешь, на него можно только политически влиять. А эта система—политически влиять на чужой аппарат—всегда приводит к гибели, революция остается неустойчивой. Нам надо было сверху донизу разрушить старый аппарат, разрушить его от министров до урядников и создать новый государственный аппарат, который внес бы порядок в революционную страну, ибо без порядка ни государственная, ни экономическая жизнь невозможна. Революция сама по себе — это не порядок, а хаос. Порядок в революцию вносится сознательностью. И надо было сверху вниз насадить или проверить и упорядочить эту революционную власть, которая росла снизу. Этот аппарат был создан. Правда, Вл. Ильич говорил часто, что аппарат наш несовершенен. Разумеется, аппарат несовершенен по двум причинам. Во-первых, сами коммунисты, рабочие, отчасти крестьяне, которые вошли в этот аппарат, не очень хорошо умели с са-

мого начала вести государственное дело, потому что оно требует многих специальных знаний, но постепенно они всему этому научились. Всякий, кто присутствовал на последней сессии ВЦИК'а, которая сейчас происходит, может простым глазом видеть, как мы страшно выросли. Коммунисты на местах—опытные люди, прекрасно знающие свой край, великолепно разбирающиеся во всей технике государственной работы. Школа жизни оказалась значительной. Но это все шло постепенно. В начале этого были новички. Во-вторых, мы должны были все-таки оставить некоторую часть чиновников. Правда, мы не оставляли губернаторов, полицеймейстеров, исправников, мы не оставили старых судей, но мы оставили много канцеляристов и незаменимых специалистов. Там, где нужен был инженер или врач, или ученый статистик и т. п., когда заменить их нельзя было, мы продолжали пользоваться их услугами. Вот эта зараженность нашего государственного строя специалистами и канцеляристами внутренно тормозит наш государственный аппарат. В. И. правильно говорил, что задача построения государственного аппарата незакончена. Вы знаете, какой вывод делал он по этому поводу, Он видел выход только в выделении пролетариатом своей собственной интеллигенции, рабоче-крестьянской молодежи, в планомерном обучении в высших учебных заведениях, чтобы мы могли иметь своих красных специалистов по всем родам государственного труда. Эта зараженность нашего государственного аппарата старыми элементами тревожила В. И. до последнего дня его жизни. Вы знаете, что одна из последних работ его, плодом которой явилось об'единение РКИ и ЦКК, была посвящена этому делу. Теперь мы через аппарат РКИ и НОТ идет по пути завершения нашей реформы, нашего переворота в

области администрирования государства и хозяйства в значительной мере.

В последнее время государственно-революционный порядок крепнет. Стоит только указать на такие огромные достижения, как упорядочение суда, земельный кодекс, конституция СССР.

Относительно армии. Надо сказать, что в этом отношении задача была выполнена, пожалуй, наиболее блестяще. Не стоит на этом долго останавливаться, потому что это всем известно. Армию нужно было набирать из утомленного войной крестьянства. То, что мы смогли создать эту армию и воспитать ее политически,—это, разумеется, результат настолько изумительный, что сам Владимир Ильич произнес один раз по этому поводу слово «чудо». Чудо это об'яснялось тем огромным организационным талантом и самоотверженностью, которые оказались в рабочем классе. Постоянные мобилизации партийные и профессиональные, постоянное вспрыскивание коммунистов во все части армии, которое стоило огромных жертв, привели к такому результату. Вместе с отходом военного коммунизма в историю и с переходом нашим на НЭП задачи наши изменились, и на первый план встали хозяйственные задачи. Эти хозяйственные задачи мы сейчас разрешаем, мы находимся в центре их разрешения. На втором, хозяйственном фронте мы находимся в процессе самой напряженной борьбы. Много тратить слов тут не придется, потому, что всей моей аудитории точно известно, каких результатов из этого мы достигли. Все вы знаете, каким страшным ударом был по нашему сел.-хозяйству голод. Вы знаете, что несмотря на это крестьянское хозяйство начинает выправляться, и можно считать, что на 75%, а вероятно и больше, сельское хозяйство восстановлено. Если взять с другой сто-

роны область промышленности, то здесь, вы знаете, наши достижения идут несколько медленнее, но мы вступили на путь занятия командных высот, постепенного развития всех отраслей индустрии, в особенности самой дорого стоящей и не могущей жить своей собственной силой тяжелой индустрии. Но тем не менее и здесь мы, со дня на день, продвигаемся вперед.

В эпоху военного коммунизма перед нами стояли такие проклятые вопросы,—как спасти железные дороги, откуда взять топливо, как уйти от голода. Сейчас эти вопросы перед нами не стоят, несмотря на некоторый недород этого года. Вопрос топливный разрешен, транспорт находится в удовлетворительном состоянии. Все это от нас отпало, возникают новые задачи. Самое важное, что теперь подчеркивают коммунисты, это организация торговли. В. И. говорил совершенно определенно—перейдем на НЭП—появится частный торговец. Частный торговец будет конкурировать с кооперативами, госторговлей, частный торговец, т.-е. возрождающийся капитал, будет конкурировать с коммунистами, и если окажется, что коммунисты будут биты при этом, если крестьяне прийдут к заключению, что с частным торговцем им легче, то при прочих равных данных,—если в Европе не разовьется быстро революционное движение, мы будем биты. Поэтому этот вопрос является самым коренным вопросом. В прошлом году торговый вопрос стоял перед нами в такой форме: каким образом снизить цены на городские товары и повысить цены на хлеб, так как без этого нам не удастся смычка с крестьянством. Не было ни Тамбова, ни Кронштадта, но партия великолепно понимала, что если дело пойдет таким образом и крестьянин должен будет пудами отдавать свой хлеб за пустяковые вещи, которые

доставляют ему из города, если он ничего не сможет купить, то смычка с крестьянством распадется. А на кого другого мы можем сейчас опереться? Конечно, западно-европейский пролетариат оказал нам известную поддержку, он задержал возможность наступления европейской буржуазии против нас. Но было бы чрезвычайно преждевременным сказать, что мы надеемся исключительно на наш союз с западно-европейским пролетариатом. Если бы мы потеряли крестьянскую базу под нашими ногами, то в настоящий момент это было бы смертью революции. Конечно, не окончательной, потому что революционые силы снова воспрянули бы, и никто не спасет буржуазию от наступления победоносного коммунизма. Но это могло бы отдалить победу на годы, на десятки лет. Поэтому понятно, что мы так нервно относились к ножницам. Обыватель не понимал: «что так комунисты нервничают! Ножницы, ножницы. Да разве так важно, что хлеб не в цене, что цены на товары немножко выше? Это просто у них экономическая специальность заговорила». Совершенно не так. Это была глубочайше обоснованная политическая тревога. В ответ на призыв Ильича—«учитесь торговать!»—мы должны были сказать в прошлом году: «мы еще не научились». Вот почему нам нужно было схватиться за кольца ножниц и изо всех сил напирать, потому что только таким образом мы могли спастись от зияющей пропасти, которая перед нами развернулась. В настоящее время положение рисуется в несколько ином виде. Нет никакого сомнения, что у нас продажа городских товаров идет увеличивающейся волной, что покупательная сила крестьянства возросла, что соотношение хлебных цен и цен на товары городские, по существу говоря, более удовлетворительно, чем прежде.

Но есть и другие неприятные симптомы. Оптовые наши цены не очень сильно разнятся от довоенных, но розничные втрое, вчетверо превосходят цены оптовые—вещь абсолютно недопустимая. Ясно, что здесь частный торговец пользуется этим так, что к его рукам прилипает огромная добыча при прохождении хлеба от крестьянина на рынок и при прохождении товаров от рабочего в деревню. Поэтому, независимо от общего лозунга, который был дан В. И., о ценности кооперации, нам приходится признаться, что она приобретает более специфическое злободневное значение, и мы не можем на этом не остановиться. Имея в нашей стране громадную отсталую часть хозяйства—мы можем содействовать его приближению к коммунизму только через кооперацию. Период кооперативизма так же неизбежен, как период НЭП'а. Только путем организации кооперации можем мы вывести крестьянство из состояния распыления, в котором оно сейчас находится, и только через посредство кооперации мы можем правильно наладить товарообмен, уничтожить те трения и ту трату энергии, которая у нас сейчас имеется. Мы видим теперь, что мы стоим перед картиной не только прогресса в нашей торговле, но и больших в ней недостатков. Упомянуть об этом необходимо.

Кроме того сейчас мы уперлись в вопрос о производительности труда. Он двояк. Первую сторону вопроса В. И. усмотрел с самого начала. Она заключается в том, что мы плохо оборудованы в машинном отношении. Мы работаем при помощи рук и инструментов. Мы слабо используем машины, и при дальнейшей борьбе с конкурентами мы можем очутиться в зависимости от иностранцев даже без всякой политической интервенции. Нам нужно во что бы то ни стало оборудоваться в машинном от-

ношении. Это означает не только получение известного количества машин в нашу страну, но и организацию энергии, чтобы машинный аппарат больших размеров пустить в ход. На нервах и мускулах народа не может держаться никакая страна, никакой коммунизм не сможет избыть нищеты, если рядом с нервами и мускулами не будет работать определенный запас энергии через машины. Это и есть электрификация, это и есть единственная возможность массового переоборудования почти с доведением его до той высоты, которая может дать возможность реально ставить коммунистические проблемы. Это первое, и эта задача разрешается между прочим и нашей дипломатией. Добрая половина нашей дипломатической работы сводится к тому, чтобы получить от буржуазии, пользуясь ее желанием заработать на нас, оборудование взаймы и на выгодных для нас условиях. Это первая сторона.

Вторая сторона—это производительность труда в собственном смысле, т.-е., в том, что зависит от каждого рабочего. На этом В. И. останавливался мало, и мы только сейчас подошли к этому вплотную. Если прежде производительность труда была низка, то это можно было оправдать тем, что и заработная плата была низка и весь строй жизни настолько ненормален, что требовать при этих условиях сколько-нибудь нормальной работы было невозможно. Сейчас не так. Каждому из вас известно, в какой пропорции возросла заработная плата и как мало соответствует этому рост производительности труда. Это приводит к двум результатам. Первый результат тот, что при таких условиях мы не можем пустить товар настолько дешево, чтобы окончательно захватить деревенский рынок, а это есть наша главнейшая задача, ибо наша пролетар-

ская Октябрьская революция может жить только при условии связи с крестьянством. Второй результат—это есть то брожение как будто бы морально психологического характера, которое на самом деле имеет глубокие экономические корни, брожение среди крестьянства, которое сейчас намечается той частью нашей партии, которая нащупывает непосредственно крестьянство в своей работе. Крестьяне говорят, что рабочие находятся в привилегированных условиях, что они не хотят как следует работать, а это происходит потому, что они чувствуют себя диктаторами, и отсюда дороговизна товара. Тут есть известная доля правды. Разве мы можем сказать, что это вовсе не так? Нередко в деревне распространяются на этот счет нелепые бредни, и в этом виноваты наши враги, но все же в этом есть доля правды. Покажите вы любому крестьянину статистические цифры, и он вам тут же скажет: вот как, заработная плата почти дошла до довоенной, а производительность труда не поднялась?! Мы никак не сможем об'яснить, что это зависит от изношенности машин и т. д. Нет, мы должны признаться, что, кроме того, есть известная доля вины и самого рабочего, и отчасти это об'ясняется тем, что пролетарии вынуждены исполнять два долга: с одной стороны он гражданин и принимает на себя гражданские обязанности, классовые, ведет вперед наше государство в виде администраторов, политиков и организаторов, но, с другой стороны, он же есть класс производительный, и соединение того и другого трудно. Очень трудно взять из рабочего класса лучших его представителей и бросить на государственную торговую или военную работу, и с другой стороны сделать так, чтобы класс этих производителей не отстал от этого в производительности труда.

В журнале «Смена» — очень хорошем журнале

комсомольцев — мы могли прочитать одну статью, где говорится о том, что комсомольцу в фабзавуче можно учиться и похуже, хорошей работой нечего ему гордиться, потому что ему нужно не столько выработать из себя производителя, сколько общественного деятеля.

Общественная деятельность должна занять столько времени, что он уже не может быть хорошим слесарем или токарем. Вообразите себе, что очень большой слой передовых рабочих охвачен таким настроением. А между тем ему принадлежит будущее, потому что он класс-производитель, и если исчезнет и ослабнет эта его сила, то исчезнет и ослабнет и политическая сила рабочих.

Почему мы добиваемся повышения квалификации всеми мерами, которые нам доступны, в том числе и усилением народного образования, в особенности, индустриального? Это задача чисто политическая, вытекающая планомерно из тех проблем, которые Октябрьская революция перед нами поставила. Вот в каком виде рисуется общее положение вещей.

Несколько слов и о международной политике: наши успехи в международном отношении за это время стали прямо «чудодейственными». И тут это словечко «чудо» невольно сходит на уста. Потому что странно же на самом деле видеть картину, когда наши заклятые враги, которые, конечно, хотят нам сделать самое худшее, что они могут себе вообразить, которые считают наше правительство—правительством бандитов, странно, когда они ведут такие переговоры о том, на каких началах дать нам деньги взаймы. Дело доходит до курьезных положений. Раньше английские буржуазные публицисты говорили: большевики бандиты, их правительство — правительство воров и разбойни-

ков, ибо они конфисковали частную собственность. Теперь же английское правительство предлагает договоры, которые начинаются с того, что конфискация признается законной и что правительство, конфискующее частную собственность, признается ими де-юре. Отсюда можно сделать рабочим вывод такой: если отберешь собственность и не победишь, то тебя, разгромив, посадят в тюрьму, а если победишь, то тебя признают де-юре.

Буржуазные палаты мечутся, их политика полна противоречий, и это одно доказывает, в какую грозную силу мы выросли, в какой огромной мере мы ключи от счастья буржуазного мира держим у себя в кармане. В этом отношении результаты у нас очень велики, но нельзя при этом, говоря о наших международных успехах, забыть и об опасностях текущего момента. До полной победы труда не будет такого времени, когда мы сможем сказать, что Октябрьская революция течет по спокойному руслу, что ей ничто не угрожает. Этого не будет, пока Октябрьская революция не победит во всем мире. И та фраза, которую так часто повторял Троцкий в 17 г., что революция победит, как мировая, или вовсе не победит, она остается верной и сейчас. Мы попали в период затишья, у нас нет еще достаточно революционных сил для того, чтобы мы смогли закончить революцию и сломить буржуазию во всем мире, а у них нет сил, которыми они могли бы залить пламя Октябрьской революции, поэтому нам приходится ненавидеть друг друга, но жить рядом, обмениваться иногда любезностями. У буржуазии существуют различные группировки, но говорить о буржуазии мы можем, как о целом классе, и в этом случае картина перед нами встает такая: буржуазия стоит перед фактом Октябрьской революции в России.

Какой ответ на это последовал со стороны буржуазии? Прежде всего, это фашистская политика, интервенция против России, разгром всех слабых стран, которые только можно разгромить, военное расхищение их достояния и бронированный кулак по отношению к пролетариату.

Совершенно естественно, что такая каторжная полицейская политика создает бесконечно враждебное отношение к капиталистам, с каждым месяцем увеличивая лагерь своих врагов. Другой путь — путь обмана, где предлагается сыграть роль лакея капиталистов в другой ливрее—меньшевика, чтоб они приготовили те ширмы и дурманящие напитки, которые нужны для обмана рабочих. Эта политика хотела показать, что буржуазия не хочет войны, что она за мир, что она не хочет классовой войны, что она хочет соглашения вплоть до того, чтобы сажать рабов их на президентские посты, Но и тут успехи буржуазии непрочны. Потому что, идя по этому пути, они попадают в такое положение, в какое попали в Англии с Макдональдом. Обманщик-меньшевик обманывает сегодня, обманывает завтра, обманывает послезавтра, наконец, рабочие, считаясь с тем, что он ведь все-же «рабочий вождь», их агент, начинают ставить перед ним те или другие конкретные требования, иногда очень скромные. Если он будет дальше считаться только с буржуазией, он потеряет власть над умами рабочих и провалится, если он будет служить рабочим, буржуазия перерезывает ту нитку, за которую она держит этого паяца, и он тоже проваливается. И поэтому такое правительство приходит в полное колебание, шатание, и за спиной этой шатающейся фигурой обнажается буржуазия, и наступает опасность конфликта. В Англии мы это видим на происходящих сейчас ярко окрашенных классовых выборах.

Поэтому можно сказать, что до самой смерти буржуазия будет менять свою одежду, но внутренняя сущность буржуазии останется прежде всего классовой, ибо в конечном счете, буржуазия ничего иного не хочет, как сломить Октябрьскую революцию, закабалить слабые страны, подчинить себе рабочих, и поэтому, когда буржуазия поет усыпляющие песни, как сейчас, мы должны быть особенно осторожны. С Керзонами и с Пуанкарэ было все наружу. С Макдональдом и с Эррио—все шито-крыто, хотя нет сомнения, что план Дауэса, соглашение с Германией, купленной американским займом и поставленной под полный контроль врагов, является подготовкой Германии под плацдарм против нас. С другой стороны, план Дауэса — это колоссальный удар по всему рабочему классу, это продвижение буржуазии по фронту рабочего класса, так как порабощение нового колониального народа — германского пролетариата — будет бить по рынку всех стран, снижать цены и буржуазия будет получать отсюда новую экономическую мощь для давления на рабочих путем локаутов и т. д. Кроме аферы ограбления Германии, кроме другой большой аферы—России, с которой надо сговориться, есть третья большая афера—Китай.

Может быть, там церемониться не нужно? Интервенция, неудавшаяся в России, удастся в Китае? Этот эксперимент сейчас проводится, сопровождается он массой мелких наступлений хищных шакалов в Афганистане, Персии. Буржуазия собирает силы для окончательного дележа мира, который, конечно, усилит буржуазию против нас.

Я резюмирую. Октябрьская пролетарская революция оказалась возможной, так как в России был пролетариат, работавший в сконцентрированной индустрии, имевший опору в крестьян-

стве, которое толкали к революции бедность и бесправие. Это оказалось возможным потому, что у нас была выкованная историей партия РКП. Эти три обстоятельства, в первую очередь, и рядом с этим слабость русского правительства и незрелость русской буржуазии сделали возможным произвести пролетарскую революцию. Однако, она может быть сильна только поддержкой крестьянства. Поэтому вопрос о смычке с крестьянством является доминирующим именно теперь.

Революция может победить только, как мировая. Пока победила революция только на одной шестой части земного шара.

Борьба с буржуазией продолжается различными методами: и временными переговорами и дипломатией, но приходится быть готовым постоянно в военном отношении к отпору. Мы знаем, какие колоссальные силы военного и технического характера изобретает буржуазия, чтобы уметь вести войну не массами, а при помощи техники. Все это сложнейшие задачи. Закрепить революцию можно, лишь подняв гражданское самосознание и техническую приспособленность населения на очень высокий уровень. Конечно, мы в этом отношении кое-что сделали, мы имеем уже рабоче-крестьянскую интеллигенцию, мы разрешили эту задачу через рабфаки, через вузы, через целую сеть партийных комвузов и т. д. У нас большие в этом отношении заслуги. Но к общему массовому поднятию уровня профессионального и политического образования мы только подходим. Это проблемы третьего фронта, которые по мере разрешения проблем второго фронта будут являться доминирующими в ближайшем будущем.

Мы имеем колоссальный узел задач, вытекающих из того вызова, который пролетариат бросил всему миру, совершив Октябрьскую революцию.

Мы, марксисты, знаем, что не личность создает историю, а история создает личность. И Владимир Ильич был создан историей. Но какой историей? Двадцатью пятью годами роста пролетарской партии в исключительных политических условиях, всей цепью развития русской революции, с одной стороны, и всей работой пролетариата Запада, с другой. Только огромная зрелость авангарда рабочего класса в России дала возможность партии выдвинуть целый ряд замечательных вождей и среди них—величайшего гения. И даже при его гениальности, если бы у Владимира Ильича не было марксистского оружия—железной дисциплины, которую дает пролетарская закалка, выкованная подпольем в течение 20-ти лет,—он не мог бы выполнить историческую роль. Внутренняя организованность партии, ее дисциплинированность, ее высокий политический уровень были в полном соответствии с гениальностью вождя, который вырос рядом с ней на той же почве и был исполнен того же духа, но в таком концентрированном виде, что мог учить самую партию. И поскольку эта личность была таким сложнейшим высоким плодом, мы не можем сказать просто—с Ильичем или без Ильича, это все равно. Еще Энгельс на могиле Маркса сказал: «Мир стал на голову ниже». Мы тоже не можем не сказать: без Ильича партия стала на голову ниже. И, при чудовищной сложности проблем, при запутанном международном положении, — нам, как авангарду, далеко забравшемуся в будущее, — жутко чувствовать себя без вождя.

Но ни на одну минуту это чувство не должно заставлять нас опускать руки. Вряд ли можно допустить, чтобы существенную разницу заметил будущий историк в смысле руководства—до и после Ильича. Вряд ли хоть на минуту можно допустить

возможность каких-то роковых ошибок. Чего ждала и чего ждет сейчас буржуазия? Она ждет розни в рядах коммунистов. Как же иначе? Великий вождь почил; его «диадохи», его ученики раздерут теперь его ризы, разделят партию. Никогда ведь не было иначе.

У нас крепко скованная партия, опирающаяся на класс необычайно единый, имеющий своих естественных классовых союзников. Поэтому нам не страшно, когда мы видим те потрясения, которые партия пережила, это был приступ небольшой лихорадки, отнюдь не горячка, о которой кричат европейские доброжелатели-врачи, которые хотели бы отправить нас на тот свет.

Можно ли сказать, что за то время, — а Владимир Ильич уже довольно давно отошел от работы, — произошли такие экономические и политические ошибки, которые дали бы губительные результаты? К какой бы разновидности коммунистов мы ни принадлежали, если бы в этом зале были даже просто честные беспартийные наблюдатели, то и они сказали бы: ничего подобного! Ленин и сейчас среди нас. Мы идем теми путями, которыми он вел нас. И неудивительно, что мы оглядываемся всегда на него, справляемся с его завещаниями и спрашиваем себя, так или иначе поступил бы он в том или ином вопросе.

Мы смело можем сказать: Ильич сейчас с нами. А если бы мы оказались действительно без Ленина, это значило бы, что пробил час нашей гибели, так как это значило бы, что мы не только потеряли традиции, которые он нам завещал, но и ту почву, на которой выросли и партия и Ленин. Но это вещь невозможная, такой смертью Ленин не умрет, такая смерть Ленину, ленинизму не грозит, как она не грозит и нашей революции. Перед

всей сложностью задач, которые перед нами стоят, мы можем сказать: самые трудные из них разрешены. Мы все чувствуем правильность того пути, по которому мы идем, мы все чувствуем огромную мощь в себе самих, мощь единства нашей партии, мощь ее марксистской подготовки, мощь растущих, а не слабеющих симпатий к ней пролетариата, мощь в самой постановке вопроса рабоче-крестьянской смычки.

Мы чувствуем силу нашей дипломатии, мы видим, что наши злейшие враги удивляются планомерности и успешности наших дипломатических шагов, мы все чувствуем мощь, приливающую в новых массах передового пролетариата к нам, и мощь в религиозном почти обожании, которое постепенно выростает по отношению к красной Москве в глубинах масс азиатских народов. И, опираясь на это, мы гордо стоим пред возможными нападениями ослабевшего противника,— наших внешних и внутренних врагов, мечущихся, ненаходящих правильной линии. В семилетнюю годовщину мы, подводя итоги, оглядываясь на свойства, на основные задачи нашей революции, какими путями мы шли и какие препятствия преодолели, мы в эту седьмую годовщину можем сказать:

— Товарищи, мы потеряли очень много сил, и среди этих сил мы потеряли даже Ильича, но, несмотря на эти потери, мы говорим: мы никогда не чувствовали себя настолько сильными, как теперь, когда вступаем в нашу 7-ю годовщину. И мы знаем, что с каждой новой годовщиной мы будем чувствовать себя все сильней и сильней.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

СЕМЬ ЛЕТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Товарищи, я полагаю, что вы не ждете от меня рассказа о 7-ми годах, которые прошли со времени Октябрьской революции, ибо рассказ был бы или непомерно длинным, или непомерно скучным, а возможно, что и то и другое сразу. Потому что, если бы я стал рассказывать, как советует писать историю Маккиавелли, со всеми подробностями, ибо этот старый историк правильно думал, что только подробная история интересна, то для этого мне нужно было бы подряд дней 5 приходить сюда каждый вечер, а если бы я вам просто сыпал датами и именами, то я бы вас запутал, и это ничего бы не дало. Но, помимо всего прочего, и я неспособен быть хронистом. Этому мешает одно условие, которое может отразиться и в этом докладе—моя непомерно плохая формальная память. Я великолепно помню отношения и очень плохо знаю даты. Да мне, как историку, вовсе и не обязательно дать исчерпывающий рассказ о внешней стороне событий. Хронист рассказывает, историк об'ясняет—в этом и заключается задача историка. Сколько я помню, впервые эта задача историка формулирована еще в начале XIII века, в Галицко-Волынском летописном своде. Там летописец, боровшийся с критиками той породы, которая встречается и по сей день, говорит, что вовсе не обязательно историку рассказывать факты в том порядке, как они были. Иногда историку нужно и вперед забежать, иногда назад вернуться. Он взывал к здравому смыслу читателя, говоря: «чтый мудрый разумеет». И вот, я надеюсь, что, хотя я буду давать не хронологическое изложение, а известную общую характе-

ристику, тем не менее, вам не будет трудно за мной следить, тем более, что эти 7 лет мы с вами пережили, так что—что ж тут рассказывать, что и так должно быть у всех в памяти.

Но один упрек мне уже пришлось слышать по поводу моих тезисов от одного товарища, который их видел, и этот упрек заключается вот в чем. Вы, говорит он, не даете периодизации, а, между тем, понять прошлое, не разделив его на периоды, довольно трудно, все сливается в общем мутном потоке. Некоторую справедливость этого упрека я признаю. Периодизацию очень любил тов. Ленин, и у него мы имеем целый ряд самых интересных попыток периодизировать историю нашей партии — попыток наверное вам известных.

Таким образом то, что мы имеем у себя такой авторитет, самый крупный, какой может быть для коммуниста, стоящий за периодизацию,—является для нас очень важным. Но надо заметить, что периодизация мыслима только по отношению к определенному руслу исторического процесса, а по отношению к нему в целом—ее очень трудно установить. Почему Ленину было легко периодизировать: потому что он брал только историю партии и ее разделил на периоды очень отчетливые. Вот, почему, периодизируя истекшие 7 лет, нам с вами придется все-таки выбрать какую-нибудь одну сторону, выбрать некоторую точку зрения, с которой мы будем смотреть на эти 7 лет. Если бы я вздумал освещать все сразу, то у меня периодизация сбилась бы, а с нее начать более или менее полезно.

Я выбираю, как точку зрения, нашу пролетарскую диктатуру в мировой постановке, не пролетарскую диктатуру в ее конкретных проявлениях, таких, как наша продовольственная политика, как наша борьба ВЧК-истская внутри республики, а я

выбираю нашу пролетарскую диктатуру, как известный мировой факт, беру ее отношение к внешнему миру, т.-е. ко всем анти-пролетарским элементам, как внутри СССР, так и вне его, и с этой точки зрения попытаюсь бегло наметить основные периоды, пережитые нами за эти 7 лет.

Таких периодов, по-моему, мы получаем пять. Первый из них охватывает промежуток с октября 1917 г. и приблизительно до августа—сентября 1918 г. Этот период я бы назвал (прошу извинения за то, что я так назову эти славные героические месяцы нашей весны), я бы назвал все-таки периодом пацифистских иллюзий. Мы страдали в это время несколькими иллюзиями. Одна заключалась в том, что мы думали, будто мы можем по-миру, по-хорошему столковаться с буржуазией вне России, попросту говоря, с империализмом. Мы всерьез принимали тот мир, который мы предлагали империалистским странам и который они, иногда в довольно неприятной для нас форме, как это было с Германией в феврале 1918 года—принимали. Мы, конечно, сознавали, что это не может быть прочный мир, мы называли его «передышкой», отсрочкой; но мы верили, что это будет настоящий мир. Мы думали, что мы действительно выйдем из войны, что мы действительно нашли способ избавиться совсем от войны. Мы этим привлекли к себе симпатии широчайших масс, которые были измучены войной и которые видели, что только мы, большевики, действительно хотим заключить мир искренно. Но, кроме этой искренности, другой заслуги за нами не было по той простой причине, что из войны нам вырваться не удалось; и из империалистской войны мы попали в гражданскую.

Таким образом, наше представление, будто бы мы

можем реально и фактически выйти из военной каши—было иллюзией.

Другой иллюзией было то, что мы все это время надеялись на благоразумие побежденной нами российской буржуазии. Мы думали, что она образумится, что она подчинится нам, что она поймет неизбежность пролетарской диктатуры. Мы не принимали никаких решительных мер против этой буржуазии, тогда как она в это время очень решительно устраивала против нас заговоры и, опять-таки, готовила ту самую гражданскую войну, в которую мы попали из каши империалистской войны.

Если к этому прибавить третью иллюзию насчет того, что, будто бы, западно-европейское рабочее движение развивается очень быстро, что не сегодня завтра мы можем ожидать превращения Западной Европы в ряд пролетарских республик на подобие России, — мы получим полный список иллюзий этого первого периода.

Все эти три иллюзии, они наполняют собою промежуток приблизительно в десять месяцев, от октября 1917 г. до августа 1918 г. Те выступления, и международных империалистов и нашей собственной буржуазии, которые в то время имели место, то запаздывание западно-европейской пролетарской революции, которой мы ждали, все это, естественно, должно было нас несколько протрезвить, и к сентябрю 1918 г. мы со всей реальностью осознали наше положение, положение людей, у которых внизу враги, снизу мы были минированы бужуазией, кругом враги, так как и немцы, с которыми мы заключили мир, оставались нашими врагами до последней минуты, и к этому прибавились еще новые враги, в лице Антанты — англичане, французы, американцы, японцы и т. д.

Нам несколько тяжело достался этот перелом, но когда он совершился (а особенно сильным толчком к нему было покушение на Ленина 30 августа), когда он совершился, мы проснулись другими людьми, мы поняли, что предстоит биться на всех фронтах, на все стороны—на севере, западе, юге, биться беспощадно. Мы, с одной стороны, об'явили красный террор, с другой стороны, начали формировать энергично Красную армию, на которую еще весною 1918 г. многие смотрели скептически, как на затею, неизвестно зачем устроенную. К этому времени подоспела первая революция рабочего класса в Европе, хотя и неудавшаяся, германская революция, облегчившая тот взрыв энтузиазма, который охватил пролетарские массы с осени 1918 года и который помог нам провести неслыханно трудную гражданскую войну.

Тут начинается второй период семилетия, период обороны на всех фронтах, который охватывает конец 18-го и весь 19-ый год. Вначале 1920 года военная победа была одержана так же, как были раздавлены и сломлены все внутренние враги. Характерно, что ни один буржуазный заговор не только не наносил нам вреда, но и не достигал полной зрелости. В. Ч. К. удачно раскрывала их раньше, чем они успевали окончательно сформироваться. А Красная армия била белых на всех фронтах, не давая им укрепиться и пустить глубокие корни в землю. Почему это было так, я скажу дальше, а теперь лишь констатирую тот факт, что внутри страны и на внешних фронтах мы имели ряд блестящих успехов. Совершенно естественно, что это несколько вскружило нам голову, и 1920 год характеризуется рядом новых признаков, которые довольно правильно покрываются общим термином военного коммунизма. Неправильно, будто бы военным коммунизмом были все наши попытки планового хозяйства, начиная с зимы

1917 — 1918 г. Ничего подобного. Я вам об'ясню дальше, что социализм теперь и после и в то время с железной логикой вытекал из об'ективного значения Октябрьской революции, и ничего другого быть не могло. Смешно утверждать, что война навязала нам плановое социалистическое хозяйство, когда первый удар в этом направлении—национализация банков—был нанесен как раз в разгаре наших пацифистских иллюзий, банки были национализированы (зимою 1917—1918 г.), когда мы далеко не изжили еще надежды заключить настоящий прочный мир, отойти в сторону от этой войны, освободиться от нее. В то время мы уже национализировали банки и срезали головку всей капиталистической системы. То-же было и в отношении национализации промышленности. Все это вызывалось железной логикой. Но зимой 1920 г. в социалистическ. хозяйстве действительно произошел некоторый весьма чувствительный переворот. Я недавно нашел одну свою статью о высшей школе, написанную в этот период, в начале 1920 г., и на меня живо пахнуло тогдашним настроением. Тогда мне казалось, что сущность реформы высшей школы заключается в ее милитаризации. В этой статье я подробно развиваю мысль о том, как милитаризация должна спасти высшую школу. И была первая ласточка милитаризации тогда в лице военных комиссаров медицинских факультетов, которых может быть некоторые из присутствующих помнят.

В чем была сущность этой новой системы? Новой не принципиально, а новой по форме. В уверенности в том, что то, что так блестяще удалось в области борьбы с белыми, применение красноармейских приемов приказа сверху, что это годится везде, и в народном просвещении, и в народном хозяйстве. Была забыта фраза, написанная Владимиром

Ильичем, и написанная незадолго до этого времени, в 1916 г.: «экономике нельзя приказывать». В 1920 году мы это забыли. Мы знали, что можно приказывать военкомам, командармам и т. д. и решили, что можно давать такие же приказы и по хозяйственной линии. Но это отнюдь не изменило самой линии. Мы были коммунистами до этого, остались коммунистами после этого и были коммунистами в этом промежутке, но темп, быстрота процесса страшно ускорились. И это тогда нам казалось огромным выигрышем, нас,—я скажу это откровенно, потому что испытал это на себе,—нас пьянила в известной степени эта быстрота. Дело пошло таким темпом, что нам казалось, что мы от коммунизма, коммунизма, созданного собственными средствами, не дожидаясь победы пролетарской революции на Западе, что мы от этого коммунизма очень близко.

Фраза Ильича, написанная им в 1916 г., однако оправдывалась. Когда мы начали приказывать экономике мелкого производства, экономике деревни приказывать, как ей сеять, как жать и т. д., то получился известный вам ответ деревни весной 1921 года, ответ, выразившийся в Кронштадте и антоновщине, и мы должны были, конечно, не отказаться от коммунизма, как от цели своей, но должны были опять вернуться к штатским, если можно так выразиться, гражданским методам проведения коммунистических принципов в нашем народном хозяйстве, и произошло известное замедление темпа. Этим закончился период военного коммунизма, очень четко выделяющийся, как третий период нашего семилетия.

Произошел наш поворот к «новой экономической политике», которая по существу уже потому не была особенно новой, что в период довоенного коммунизма, в мае 1918 г., Ленин говорил о такой политике во всеуслышание. Если бы буржуазия образумилась,

подчинилась нам и начала серьезно работать, то мы ей дали бы известный простор, простор, который был обеспечен впоследствии НЭП'ом.

Мы реализовали это только весной 1921 года. Как при всяком, несколько крутом повороте,—а с нами случилось нечто вроде того, что случается, когда человек мчится карьером, а потом поворачивает вдруг под углом в 90 и даже 120 градусов—естественно, что при таком повороте у нас немного закружилась голова. И тут опять у нас появились некоторые иллюзии, которые дают возможность выделить первый период НЭП'а, период раннего НЭП'а в особый период.

Когда мы вводили новую экономическую политику, на что мы расчитывали? Мы расчитывали, вопервых, конечно, на то, что это даст известный простор и удовлетворение миру мелких производителей, зажатых нашими монополиями, разверсткой и т. д. Во-вторых, мы надеялись на то, что личная инициатива, а инициативные люди брюзжали очень в предыдущий период, что мы им не даем развернуться, что их очень замуштровали, мы надеялись, что личная инициатива даст чудесные результаты и так толкнет вперед наше хозяйство, как и представить нельзя.

Наконец, было еще одно соображение. Мы надеялись, что НЭП привлечет к нам капиталы из-за границы, ибо, думали мы,—капиталисты, увидев, что в России капиталистическая собственность в известных ограниченных пределах допускается, найдут выгодным применять у нас свои капиталы.

Но как раз это последнее наше предположение оказалось иллюзией с самого начала. Несмотря на то, что буржуазия идеологически воюет с марксизмом, она мыслит в деловом порядке по-марксистски, потому что она умная, эта буржуазия, а все умные

люди по природе марксисты. Эта буржуазия прекрасно понимает связь между экономическим базисом и политической надстройкой, она прекрасно понимает, что только в тех странах, где буржуазия держит в руках власть, можно безопасно и выгодно вкладывать в производство капиталы, но в тех странах, где власть находится в руках не буржуазии, а у других элементов, в частности, в руках пролетариата, как у нас, здесь буржуазия чувствует себя неуверенно и необеспеченной, и не идет туда, не идет и до сих пор. Если английская буржуазия в результате выборов придет со своим капиталом к нам, то это потому, что ее потащут за шиворот рабочие, тогда она пойдет, а по собственной инициативе не пойдет. Это ясно...

Так что эта последняя наша надежда, что к нам пойдет иностранный капитал и поможет ускорить экономическое возрождение страны, оказалась иллюзорной. Иностранный капитал к нам не пошел.

Что касается инициативы, то тут приходится сказать, что, несомненно, очень большие результаты были достигнуты. Если мы возьмем наше производство в 1921 г., когда еще не успел отразиться НЭП, потому что он был введен только в этом году, за 100 то производство крупной промышленности в 1922 г. даст 158, т.-е. почти 60% увеличения. Буквально, как пробку вышибли. Но и тут мы стали жертвой иллюзии, поскольку после того, как пробку вышибло, газу пойдет меньше. Если мы возьмем продукцию крупной промышленности 1922 года за 100, то уже на 1923 год получим только 30% увеличения. Дальше уже идет не таким быстрым темпом, как шло раньше, хотя инициатива была освобождена от пут планового хозяйства и кое-что и дала, но она, несомненно, не могла давать до бесконечности. И притом это была инициатива нас же, коммунистов,—

что касается частного капитала, то он просто в промышленность не пошел, предпочитая оставаться в привычной для него сфере спекуляции.

А потом обнаружились и оборотные стороны этой инициативы, выразившиеся в целом ряде трестовских процессов, в том, что кое-какие учреждения оказались близкими к банкротству, и мы начали опять поворачивать к плановому хозяйству.

Наконец, что касается массы крестьянства, то она, конечно, была удовлетворена в значительной степени, тут всего меньше было иллюзий и всего больше было реальности. Массовых крестьянских восстаний, вроде антоновщины, мы с тех пор больше не имели. Но тем не менее удовлетворить крестьян единственно возможностью свободно торговать продуктами своего хозяйства: творогом, сметаной и яйцами, было нельзя. Деревня сейчас пред'являет большие требования, она пред'являет требование на просвещение прежде всего. И поскольку просвещение мы даем деревне в незначительных размерах, она проявляет все-таки известное недовольство, недовольство, не доходящее до такой остроты, как в предыдущий период, когда мы на деревню нажали экономически. Во всяком случае полного удовлетворения в деревне нет, но тут иллюзий было всего меньше.

Введение новой экономической политики само собою выделяет 4-й период, охватывающий время с весны 1921 г. до середины 1923 г. примерно. Середина 1923 года, с ее знаменитыми «ножницами», отмечает начало нового, пятого, периода нашей семилетней истории. Против увлечения НЭП'ом, а не против самого НЭП'а, наступила известная реакция: стало ясно, что таких золотых гор, какие мы от НЭП'а ожидали, он дать не может, и вот мы начинаем, повторяю, опять поворачивать к плано-

вому хозяйству и начинаем становиться деловыми людьми, а не только людьми с деляческой фантазией.

В этот период мы уже имеем крупное достижение—нашу финансовую и денежную реформу, которая составляет основной признак этого последнего, 5-го периода, захватывающего последние 2 года.

Товарищи, я думаю, что вы много слышали о денежной реформе, но я все-таки хочу напомнить вам, что это значило. В одиночку, без иностранного кредита, на котором постоянно держалась наша валюта в царские времена, после империалистской и разорительнейшей гражданской войны поднять все-таки рубль в среднем, переведя на товарный, в 8 раз по сравнению с тем рублем, который нам оставил Керенский, — а Керенский нам оставил рубль, покупательная сила которого была в 8 раз более слабой, нежели наш теперешний червонный рубль, — это колоссальное достижение, которое показывает, что мы теперь, в 5-й период существования Советской Республики стали действительно деловыми людьми.

Вот на эти 5 периодов по моему можно распределить эти 7 лет, и в этом оправдание и ответ тем товарищам, которые жалуются, что периодизации нет.

Теперь я перехожу к об'яснению тех фактов, которые я бегло начертил в течение этой ¼ часа.

Вопрос, который перед нами стоит, можно выразить так: что спасло пролетарскую диктатуру, почему она удержалась, несмотря на всевозможные зловещие карканья со всех сторон? Говорили, что в России пролетарская диктатура совершенно невозможна, потому что пролетариат в России составляет ничтожное меньшинство, производительность народного хозяйства крайне низка. Мечтать о социализме в подобных условиях могут только совершенно в марксистском отношении невежественные люди, словом, ничего из пролетарской диктатуры у нас не

выйдет. Это каркали со всех сторон, и сначала назначали нам 2-хнедельный срок жизни, потом 3 месяца, потом ½ года, но пролетарская диктатура стоит у нас уже 7 лет.

Относительно последних трех намеченных мною периодов — пятого, четвертого и третьего — у критиков пролетарской диктатуры есть наглядное об'яснение: у нас в эти периоды уже была военная сила — Красная армия. Не знаю, будет ли это марксистское об'яснение прочности той или иной власти, что у нее есть штыки для защиты: ведь, мы знаем, между прочим, что у царя была пропасть штыков, тем не менее он полетел при помощи тех же штыков, так что для нас, марксистов, это не является об'яснением, но, поскольку критиками пролетарской диктатуры этот момент выдвигается, поскольку они на этом об'яснении успокаиваются — «есть Красная армия у них, потому и держатся», оставим эти периоды в покое, но самые интересные, самые загадочные периоды в истории пролетарской диктатуры — это первый и второй, т.-е. период военный и период наших «пацифистских иллюзий». Как мы держались в течение этих двух первых периодов?

И, прежде всего, был ли наш переход к социализму фактом чисто суб'ективного происхождения, т.-е. что в голове тов. Ленина появилась такая идея, провести социалистическую революцию, или это был факт об'ективный, с железной диалектической логикой вытекавший из об'ективного положения? Меньшевики давно ответили, что мы все время страдали еще одной иллюзией, будто мы делаем социалистическую революцию, тогда как на самом деле она была буржуазной, только с коммунистической или социалистической идеологией. Это было, так сказать своеобразное тело у которого туловище рыбье, а го-

лова звериная, или, наоборот, если хотите. Как по-марксистски об'яснить происхождение такого чудовища, я не буду на этом останавливаться, но в книжке Далина «После войн и революций» обстоятельно доказывается, как большевики, думая, что они сделали социалистическую революцию, на самом деле сделали очень хорошую буржуазную революцию. Я боюсь, если спросить какого-нибудь солидного нэпмана (на нашем собрании, впрочем, вряд ли можно его найти), доволен ли он результатами этой буржуазной революции, то он, пожалуй, выразится о гражданине Далине не совсем вежливо и укажет, что в России частной собственности на землю нет, собственности на орудия крупного производства почти также нет, потому что частные фабрики составляют ничтожное меньшинство; банки в руках государства, и даже по отношению к квартирам существует большое утеснение. Так что нельзя назвать нашу революцию буржуазной, а в особенности хорошей буржуазной революцией, ибо в конечном счете именно буржуазии от нее пришлось плохо. Но теоретически все же не прав ли Далин и с ним те коммунисты, которые иногда тоже близко к этому толкуют события? Я категорически утверждаю, что они неправы, что они не понимают совершившейся в России революции, не понимают, почему началась и произошла Октябрьская революция: у нас в России в 1917 г. могла быть или социалистическая революция или никакой.

Даже у нас в партии довольно распространен взгляд на наше участие в империалистской войне, как на что-то случайное: царя Николая и его министров увлекли и соблазнили настоящие империалисты Западной Европы; они влезли в эту войну, которая органически русскому капитализму была не нужна, они влезли, но вылезти не могли. Нико-

лаю не удалось вылезти, вылезли мы после уже революции. На самом деле, наше участие в войне не было соблазном невинных более прожженными людьми, но было неизбежным последствием нашего экономического положения. Россия в 1914 г. составляла неразрывную часть империалистического мира, настолько тесно переплетенную и увязанную с ним, что только путем низвержения империализма и капитализма у себя дома она могла разорвать эту цепь и вырваться. Я не буду вдаваться в подробности. Я лишь напомню здесь то, что я довольно подробно развивал в моих статьях по поводу войны: кто их читал, тот помнит. Что характеризует предвоенную полосу в развитии русского народного хозяйства? Что такое империализм? Прежде всего, как говорит тов. Ленин, колоссальная концентрация производства. В то время, как в Германии перед войной в предприятиях с рабочими меньше ста было занято 22% всех рабочих, у нас в мелких предприятиях было занято всего 10%. В предприятиях же гигантах — с количеством рабочих более тысячи — в Германии было 8%, а у нас 24% (значит втрое большая концентрация, чем в таком даже капиталистическом Левиафане, как Германия). По абсолютному числу рабочих, занятых в предприятиях-гигантах, мы шли впереди даже Соединенных Штатов (там 1.255 тысяч., у нас 1.300 тысяч). Причем на каждое такое предприятие в среднем у нас приходилось 2.490 человек, в Америке только 1.940; наши предприятия-гиганты крупнее были даже американских.

Наша концентрация промышленности не уступала концентрации крупнейших капиталистических стран, каковы Германия и Соединенные Штаты. И то же было с централизацией промышленности в руках финансового капитала. В области металлургии,

добычи железа и нефти участие банковского капитала в нашей промышленности выражалось в 75 — 80%.

Если мы разберем банковые капиталы, господствовавшие над русской промышленностью, по происхождению, то мы увидим такую картину: железо было в руках французских капиталистов на 54,6%, каменный уголь в руках французов на 74,3%, в руках англичан было 4,8% русского железа, но зато 18,5% русской нефти. В руках англичан и французов вместе было 45% русской нефти, и, наконец, в руках немцев 22% русского железа и 13% русского каменного угля. Таким образом, товарищи, эти банковые капиталы, о которых идет речь, были капиталами не русскими, т.-е. ими распоряжались не русские, а французские, английские и германские банки. Благодаря этому Россия была целиком втянута в систему мирового империализма. Для нее уже с 1908 года был выбор только один: с какой группой империалистов она пойдет, с Центральной ли Европой, или с Антантой? Другого выбора не было. И чрезвычайно характерно для ума буржуазии, о котором я выше говорил с комплиментами, что наша военная буржуазия, наши главные штабы—морские и сухопутные, как нам об этом рассказали генерал Поливанов и адмирал Колчак в своих показаниях, эти штабы уже с 1908 года готовили Россию к участию в мировой войне. И перед ними, опять-таки стоял только один вопрос: с кем итти — с Германией, или с Францией и Англией? Но, что в будущей мировой империалистской войне Россия неизбежно будет участвовать на той или иной стороне, это для них было совершенно ясно, и в этом они были правы. Участие России в империалистской войне не было результатом случайной глупости царя Николая. Оно логически вытекало из

того, что Россия уже вошла в серию империалистских стран.

И вот, товарищи, вам ответ на вопрос: почему до большевиков никакое правительство не могло заключить мира. Керенский не мог заключить мира потому, что он не мог восстать против мирового империализма. У него на это не хватало ни храбрости, ни ума. Тем менее мог восстать Милюков, сознательно примкнувший к империалистам: все они были пленниками мирового империализма. Поэтому они не могли кончить войны. Осенью 1917 года у нас была незамечавшаяся нами, но чрезвычайно ценная монополия—монополия на заключение мира, потому что только мы, поднявшие еще в Циммервальде и Кинтале знамя восстания против мирового империализма, только мы могли разорвать империалистскую цепь и заключить мир. Никто другой этого сделать не мог, вот почему никакое другое правительство, кроме большевистского, было немыслимо осенью 1917 года. Никакое другое правительство в 1917 году было, просто, немыслимо.

Когда мы пришли к власти, то перед нами была система, возглавляемая этим империалистским спрутом, банковым капиталом—цифры я уже приводил. Перед нами была система банков, которые командовали промышленностью и, таким образом, управляли народным хозяйством всей страны. Что нам оставалось делать, раз мы подняли знамя бунта против империализма? Ничего другого, как только срезать эту головку, т.-е. национализировать банки. Другого об'ективно мы сделать ничего не могли. Я не стану утверждать, что национализация банков у нас технически была проведена совершенно. В декабре—январе 1917—1918 г. г. для нас, по существу, эта операция была абсолютно необходимой. А когда мы срезали эту головку, оторвали щупальцы, которыми

мировой империализм держал нашу промышленность, то что нам было делать с промышленными предприятиями, с этими овцами без пастыря, ибо пастырей мы прогнали? Что нам с ними было делать? Ничего, кроме как взять в руки пролетарского государства. Национализация промышленности с железной логикой следовала за национализацией банков, точно так же, как национализация банков с железной логикой следовала из анти-империалистического характера нашей революции *). Вы видите, до какой степени здесь было мало надуманного, мало случайного. Наш социализм в 1918 году, повторяю, был в логике истории, ничего другого мы сделать не могли. Если бы мы не были большевиками, мы, вообще, не стали бы у власти, а раз мы, большевики, стали у власти, мы должны были проделать лестницу национализаций и социализаций. Они вытекали из основного факта нашего бунта против мирового империализма, из нашего выхода из этой империалистской цепи.

И, чтобы эту тему исчерпать, я должен напомнить, что уж не до такой степени плохо мы хозяйничали в этом случае. Возьмем цифры: с 1917 г. на 1918 г. мы видим чудовищное падение производительности промышленности: с 4.344.000.000 зол. рублей по довоенным ценам, брутто, на круг, производительность упала до 1.141.000.000. Тем временем промышленность была национализирована, и

---

*) Этому нисколько не мешает то обстоятельство, что национализация крупной промышленности в июне 1918 г. была ускорена условиями Брестского мира (немцы соглашались признать национализированными лишь предприятия, перешедшие в руки государства до 1 июля этого года): это был повод—а не причина. И у империалистской войны был повод, убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, однако ни один марксист не об'ясняет этим мировой войны.

в 1919 г. мы имеем 1.447.000.000, т.-е. увеличение приблизительно на 25% сравнительно с предшествующим годом. Чего нам не хватало для того, чтобы довести до конца эту новую систему хозяйства? Причина главная, товарищи, которая имеет огромное значение во всех политических делах, была в отсутствии времени. Гражданская война не дала нам времени и средств наладить наше социалистическое хозяйство тогда. Можно ли было его наладить? Поскольку речь идет о крупной промышленности—разумеется, можно было. Нелепо было проводить социализацию и национализацию мелкого производства в деревне, да, это была ошибка, но поскольку речь шла о городе и фабрике, тут ошибки не было. Если бы не гражданская война, то это было бы доведено до конца. Дороже всего нам обошлось применение военных методов управления промышленностью после 1919 года. В 1919 году мы имеем начало военного коммунизма, и имеем в это время 1.447.000.000 зол. рублей годового производства, в 1921 году мы имеем уже только 929.000.000—меньше даже миллиарда. Попытка приказывать экономике оказалась неудачной. Но мы очень скоро в этом отношении очувствовались, так что эта ошибка больших последствий не имела, и, как вы уже знаете, с тех пор наша промышленность двигается вперед довольно быстро.

Итак, наш социализм вовсе не был случайностью. Что это значит? Это значит, товарищи, что мы, делая социалистическую революцию, плыли на гребне огромной исторической волны. Но когда человек занял такое удобное для своего путешествия положение, то он может спастись и имеет много шансов на то, что его благополучно вынесет на берег эта волна. Если вы когда-нибудь плавали во время волнения в гребной лодке, то вы знаете элементар-

ное правило, что нужно ставить лодку к волне поперек, чтобы гребень этой волны вынес лодку. Самое опасное, если лодка попадет между волнами, волна ударит сбоку, и лодка может быть опрокинута. Мы как раз взяли правильное положение—и это первая и основная причина, почему с нами не случилось того, что предрекали нам наши друзья осенью 1917 г. Но если это совпадение нашей социалистической программы с тем, чего об'ективно требовал момент, об'ясняет нашу удачу в первом периоде, вопрос остается относительно второго. Как бы ни шел исторический процесс в желательном для нас направлении, все-таки наше положение в этом втором периоде было дьявольски трудное, ибо у наших противников, белых, были вооруженные силы, и очень хорошие, и было постоянное питание и снабжение этих вооруженных сил из-за границы, а у нас сил почти не было, и из-за границы не было ничего, кроме блокады.

Что касается внутреннего положения, то вооруженные силы только складывались. Вы, конечно, помните, как у нас Красная армия в конце лета 18-го года сражалась «на колесах», ибо не могла и не хотела оставлять поезда, которые подвозили ее на фронт. Положение было очень тяжелое, армия была не обстреляна, драться ей было трудно. Энтузиазм развивался постепенно, но он не принял сразу таких форм, которые были бы действенными и помогали бы в борьбе.

Что нам помогло в это время? Странным образом помогло опять-таки именно то, что наша революция носила определенно антиимпериалистский характер. Поскольку наша революция носила этот антиимпериалистский характер, империалистский характер носила вся наша реакция. Она вся должна была получить окраску определенных интересов ми-

рового империализма и это, как вы увидите сейчас, нас, главным образом, спасло.

Первое, что нас спасло и что очень полезно вспомнить — это, конечно, то европейское рабочее движение, которое мы переоценивали в смысле его быстроты, но которое оказало нам все же неисчислимые услуги.

Прав был тов. Ленин, когда он в одной своей речи в 20 году сказал примерно вот что: «нечего дожидаться, пока нас спасет рабочее движение Запада: оно уже нас спасло». Это действительно было основной причиной всех неудач интервенции. Почему империалистские страны не могли к нам бросить крупных вооруженных сил, которые могли бы быть для нас в этом отношении опасны? Да потому, что в это время, в первые годы после мировой войны, их всех за шиворот держал их собственный пролетариат. Западно-европейский пролетариат всюду находился в то время в таком напряженном, предреволюционном состоянии, что у соответствующих правительств никогда не было достаточных—ни досуга, ни смелости для того, чтобы справиться с этим движением и бросить силы на нас.

Если мы возьмем 1921 г., т.-е. год, когда рабочее движение в Англии уже пошло на убыль—мы найдем в Англии — 1.829.000 забастовщиков, т.-е. на 400.000 больше, чем в рекордный довоенный год. В 1912 г.—максимальный год до войны в этом отношении—в Англии было 1.463.000 забастовщиков, а в 21 году, повторяю,—1.829.000.—При таких условиях английские империалисты не могли двинуть против нас английской армии. Это не мой домысел, это признание вождя этих империалистов Черчилля, который, об'ясняя в одном секретном документе, почему англичане должны были отозвать войска из Архангельска,—прямо ссылается на то,

что английское рабочее движение не позволяло продолжать эту экспедицию. Французы, более бестолковые, чем англичане, попытались итти наперекор этой исторической волне и высадили свои войска на берегу Черного моря в Одессе. Что же из этого вышло? В войсках началось движение, войска образовали советы солдатских депутатов, словом, произошла та история, живым памятником которой является находящийся сейчас в России тов. Марти. Попытка французов двинуть против нас свои войска ничего не дала.

Все это вместе взятое иллюстрирует ту мысль, которую я хочу очень крепко запечатлеть в вашем сознании—что рабочее движение, как оно тогда развивалось в Западной Европе и охватывало западно-европейские страны, мешало в это время сколько-нибудь серьезной интервенции в России. Никаких масс за интервенцию, за иностранное вмешательство на Западе — не было. Массы везде были против интервенции. Последняя должна была искать таких масс в самой России.

Тут мы подходим к роли крестьянства в нашей революции. Колоссальной заслугой Ленина было то, что он, вопреки марксистскому шаблону, утвердившемуся в нашей литературе уже со времен группы Освобождения Труда—и свято хранимому меньшевиками, — эту роль крестьянства предугадал. Крестьянин всегда будет врагом социалистической революции, учили меньшевики: он будет с нами лишь до конца буржуазной революции, т.-е. до свержения царизма. Нет, отвечал Ленин, если рабочий класс сумеет освободить крестьянина и дать ему землю. Выставив на своем знамени уничтожение помещичьей собственности и всего, что осталось от феодализма в деревне, предводимый Лениным рабо-

чий класс стал в России во главе и крестьянской революции. Нельзя переоценить того факта, что в России крестьянина окончательно раскрепостил рабочий, тогда как в Западной Европе эту функцию выполнила—гораздо менее отчетливо—буржуазия. В Германии Маркс и Энгельс могли только мечтать о том, что на помощь рабочей революции придет крестьянская война, а в России это было фактом. Тот пример, по которому строили свой шаблон меньшевики, как раз не годился для России.

Но была все же опасность и здесь. Несомненно, что масса нашего крестьянства, удовлетворенная первым же актом нашей революции, социализацией земли, могла потерять вкус к дальнейшей революции,—особенно если принять в расчет, что эта последняя сопровождалась монополизацией, продразверсткой и тому подобными вещами, неудобными для крестьянства. Этого однако не случилось, не случилось опять-таки благодаря империалистскому характеру борьбы. Не будучи в состоянии в Россию двинуть свои войска, империалистские державы вынуждены были нанимать на службу русских. К кому они могли обратиться? Естественно, к тем, кто дрался под империалистскими знаменами во время большой войны. Были наняты русские офицеры и солдаты, главным образом, офицеры, солдат было завлечено немного, и они были завлечены обманом, но обман быстро рассеялся, и они отпадали. И вот эти нанятые люди принадлежали как раз к тому разряду русского общества, который был враждебен не только социалистической революции, но и тем остаткам буржуазной революции, которые мы доделывали зимой 17 г. и в 18 году. Это были элементы, тесно связанные с помещичьим классом и отчасти с крупной буржуазией. Характерно, что даже крупная буржуазия в лице кадетов всюду в белом пра-

вительстве играла второстепенную роль и нигде не обладала настоящей властью. Благодаря тому, что контр-революцию вели бывшие дворянские, помещичьи сынки, большею частью хронически пьяные, как они сами признавались, потому что, как говорил один из них,—сами посудите, против своих трезвый не пойдешь... Эта кампания, конечно, на свою сторону привлечь массы не могла. Все решительно контр-революционные правительства, которые пытались играть в демократию, погибали под ударами не большевиков, а своих собственных белых союзников. Так случилось с Комучем в Самаре осенью 1918 года, так же с директорией в Омске зимой того же года, так же с архангельским эс-эровским правительством, с кубанской радой и т. д. Всякая попытка играть в демократию и опираться на массу очень скоро была сорвана, причем на примере эс-эровского правительства видно, как внутренняя логика контр-революции делала невозможной демократию. Возьмите Комуч *), ему нужны были деньги, за которыми он обратился к местным богатеям, но, получив от них деньги, он получил в придачу и союзников этих богатеев. И вот эс-эровский комитет начинает хлопотать, чтобы сохранить за помещиками хотя бы часть урожая, и проводит такую юридическую линию, что озимые хлеба, посеянные в 1917 г., помещикам, а яровые, посеянные в 18 г.,— крестьянам. Таким образом, эс-эры, которые танцовали, как от печки, от социализации земли, оказались в нелепом положении и вынуждены в земельном даже вопросе играть в руку не крестьянству, а помещикам. И это юридически, а где дело происходило без легальности, где распоряжались белые вой-

*) Комитет членов Учредительного Собрания — сплошь с.-р-ы.

ска, казаки, они просто забирали у крестьян все, что они забрали с помещичьей земли, с их усадеб, и возвращали помещикам. И внутренняя логика контр-революции привела к тому, что опираться на массы эта контр-революционная армия не могла. Единственной попыткой был земельный закон Врангеля, который столковывался хотя бы с кулацкими слоями населения, но и он остался на бумаге и не был проведен в жизнь. Масса не была за интервенцией на Западе, так как там за спиной интервенции бушевало рабочее движение,—масса не была за интервенцией и в России, потому что здесь за спиной интервенции бушевал крестьянский бунт.

Если прибавить, что, благодаря этому империалистскому характеру борьбы, все конфликты внутри европейской системы отражались на русской реакции, то получится об'яснение, почему мы удержались даже в течение этого крутого периода с осени 1918 г. до весны 20-го, почему мы не пали под ударами интервенции. Я должен познакомить вас с тем, как отразились конфликты внутри европейской системы, на борьбе, именно потому, что это вам менее всего знакомо. Тут чрезвычайно любопытно хронологическое совпадение, которое, с первого взгляда, как будто случайно, но поскольку это повторяется, над ним стоит подумать. В апреле 19 года английский генерал Мильн является к Деникину и предлагает ему вооружение на 100.000 человек. В мае 19 года англичане высаживают греческие войска в Смирне в Малой Азии, и делает первая попытка захватить Малую Азию, начинается борьба с турецкими националистами во главе с Кемаль-пашой. Два факта которые, казалось, связывает только исключительное хронологическое совпадение. Правда, внимательный человек должен обратить внимание, что и там и тут английский генерал, тот же самый, стран-

ствует с одного на другой берег Черного моря. Но это случайное совпадение. Просто по совместительству.

Возьмите следующий 1920 год. В марте англичане захватывают Константинополь, и в марте же Польша об'являет войну России. Опять странное совпадение. Но постоянные совпадения дают в результате то, что когда-то называлось эмпирическим законом. Для английского правительства Восток с нефтью и другими прелестями был гораздо интереснее России, и главный интерес англичан заключается в том, чтобы покончить спор с Францией на Востоке, не дожидаясь появления России на сцену. Какой остроты достигал спор между Англией и Францией на Востоке, вы можете узнать из одного источника, может быть несколько мутного, но занятного для чтенья, книжки Пьера Бенуа «Владетельница Ливанского замка». Там рассказано, как на Востоке английские и французские агенты ведут форменную войну, как английские офицеры уничтожают при помощи бедуинов отряды французов, и с другой стороны отвечают, конечно, тем же—вот картина мирных отношений между этими двумя союзниками на Востоке в это время. Представьте себе, что вдобавок к Франции явилась бы на Востоке «освобожденная» интервенцией Россия, восстановленная старая Россия, со всеми теми договорами, которые мы опубликовывали,—что сказали бы англичане? Это было бы для них неприятнейшим сюрпризом,—вот почему англичане меньше заботились об установлении «порядка» в России, чем о том, чтобы Россия не появилась на Востоке. И они были об'ективно правы, потому что, появившись даже к шапочному разбору в Лозанне, мы все-же им достаточно навредили, и нашего представителя т. Воровского пришлось убрать не совсем цивилизованными способами, такими, которые не

приняты вообще ни на Востоке, ни на Западе. И это еще была новая, большевистская Россия, которой можно было «не признавать». Представьте себе, что было бы, если бы Россия, притом старая, союзница английского империализма, была с самого начала? И вот, Англия намеренно затягивает гражданскую войну, на этот счет существует целая литература о том, например, как англичане относились к северо-западному правительству, сидевшему частью в Ревеле, частью в Гельсингфорсе, и войска которого под командой Юденича наступали на тогдашний Петроград. Ряд белогвардейских документов свидетельствует, что, если бы английский флот захотел, он мог бы захватить Кронштадт, и этим, конечно, решена была бы участь Петрограда, но англичане симулировали шаг на месте, и делали это совершенно сознательно. Мало того, они проделывали такую штуку, что доставляли Юденичу пушки на одном пароходе, а замки к этим пушкам на другом пароходе, которые отставали друг от друга и приходили разновременно. Юденич мог любоваться этими пушками, но пользоваться ими не мог.

Таким образом, англичане форменно саботировали мероприятия северо-западного правительства. И генерал Мильн, когда являлся к Деникину, давал такие обещания, которые по существу ничего не значили. Он обещал Деникину оружие и снабжение на 100.000 человек, но разве мыслимо было из Ростова захватить Москву с армией в 100 тыс. человек. имея перед собою полмиллиона штыков Красной армии, при необходимости охранять длиннейшую операционную линию Ростов—Москва? Ясно, что все предприятие Деникина было и могло быть только озорной авантюрой, и больше ничем быть не

могло. И его движение на Москву было такой именно авантюрой.

Белые по существу дела вовсе не были так страшны, как мы их себе представляли, и они не были так страшны отчасти потому, что для англичан важно было поддержать и сохранить русский хаос, а не восстановить старую Россию на ее месте. Для них этот хаос был гораздо важнее. Этим об'ясняется вся та английская политика, которую мы имели после гражданской войны, когда английская авантюра окончилась неудачей.

Вот, если мы соберем все эти стороны нашей гражданской войны, нашу борьбу на белых фронтах, то мы поймем, что как наша революция с самого начала должна была быть социалистической и должна была бы удачной, так и то, что нашей борьбе против белых заранее была гарантирована победа. Мы, конечно, этого не сознавали, и хорошо, что не сознавали, ибо если бы мы сознавали, то может быть мы бы не употребляли тех сверхгероических усилий. которые нами были применены и на то, чтобы создать Красную армию, и на то, чтобы защитить новый порядок, наше напряжение тут было совершенно необходимо, хотя об'ективно победа была заранее обеспечена. Марксист более всего должен избегать исторического ф а т а л и з м а—веры в то, что само собою все «образуется». Если бы мы не боролись, то, конечно, никакой победы мы не одержали бы: но это была не отчаянная борьба заранее обреченных людей, как представляли себе белые, это была война со всеми шансами успеха. И вот это сочетание счастливых обстоятельств, которые помогали нашей революции в течение первых трудных периодов ее существования, это сочетание продолжает сопровождать нас и до сих пор. Я сказал как-то в одном докладе, что во время гражданской войны большеви-

кам везло так, как ни одной партии в мире. И это совершенно верно, и, как бы ни сглазить, нам продолжает везти и до сих пор. Сегодня в газетах мы прочитали, что комиссией де-Монзи во Франции вынесено заключение о необходимости пересмотреть отношения Франции к России, причем весьма категорически предусматривается признание нас де-юре, так что скоро мы будем иметь счастье видеть в Москве присутствующим официально французского посланника.

Что же побуждает западно-европейские империалистские страны капитулировать перед нами одну за другой? Позвольте мне в заключение моего доклада рассмотреть это немного подробнее, это бросит некоторый свет на наше теперешнее международное положение.

Что заставило Англию еще в начале 21 года заключить с нами торговое соглашение? На первый взгляд, как будто бы интересы торговли, желание захватить русский рынок. Но неужели вы думаете, что эти люди настолько глупы, что они не имеют никакого понятия о нашем таможенном тарифе? Это же элементарнейшая вещь. Не совершенные же они сапоги, с позволения сказать, чтобы не поглядеть раньше в тариф, прежде чем начать разговаривать. А тариф мы имеем такой, что ни о каком завоевании нашего рынка какой-нибудь заграничной страной ни одной секунды речи быть не может, у нас пролетарский протекционизм, то есть почти запретительная система. Казалось бы, англичане это знают, почему же они заключили договор? Если мы присмотримся к тому положению, в каком была в то время Англия, то мы может быть скоро найдем и этому об'яснение, и скорее поймем, почему англичане заключили с нами коммерческое соглашение в тот именно момент, когда у нас происходил крон-

штадтский мятеж и когда вообще трудно было говорить о торговых интересах.

Март 21-го года стоит между колоссальной забастовкой углекопов в ноябре 20 года, охватившей более миллиона рабочих, и не менее колоссальной забастовкой тех же углекопов, металлистов и железнодорожников в апреле 21-го года, захватившей полтора миллиона человек и тянувшейся до июня. Волны рабочего движения ходили, как никогда. Между этими двумя большими забастовками английскому правительству очевидно ничего не оставалось, как показать своим рабочим, что, оно, это английское правительство, готово дружить даже с большевиками, до такой степени оно хорошо относится к рабочему классу. Вот в чем основная причина сближения Англии с Россией. Чем ближе к революции чувствует себя буржуазия империалистской страны, тем ласковее она поглядывает в нашу сторону. И тут приходится сказать, что мы, немножко с митинговой точки зрения беря правительство Макдональда, его недооценили. Мы говорим, что правительство Макдональда буржуазное. Это правда, что это не революционное пролетарское правительство, никто этого не говорит, само собой понятно, что оно держится только по милости буржуазии, но тем не менее, кто толкает его вперед, буржуазия или кто-либо другой? История с заключением последнего договора ясно показывает, кто толкает. Почему Макдональд подписал договор? Его заставили рабочие. Мало того, это давление рабочих так велико, что Макдональд рискнул здесь всей своей политической карьерой и всей своей судьбой, идя за рабочими организациями, потому что он, как ни как, предпочитает быть без министерского портфеля с рабочими, нежели с портфелем, но без рабочих. Это, конечно, не потому, что Макдональд очень честный и пролетариелюби-

вый человек, а потому что он не глуп, и прекрасно понимает, за кем завтрашний день, и не желает жертвовать своей карьерой ради прекрасных глаз буржуазии.

Таким образом, в сближении с нами Англии мы имеем определенный успех пролетарского движения на Западе. Повторю еще раз слова т. Ленина: нечего ждать, что пролетарская революция на Западе нас спасет, она уже нас спасла. Но если в Англии есть для сближения с нами экономическая почва, ну, хотя бы в той странной форме, что вот английские буржуа дадут нам денег взаймы, а мы на эти деньги закажем на английских фабриках нужные нам машины и таким образом деньги английской буржуазии пойдут на восстановление нашей промышленности, то как быть с Францией? Франция такого вопроса не может ставить, французская металлургия после войны великолепно развивается на внутреннем рынке. Цифра выплавленного ею чугуна уже к 23-му году на 100 тыс. тонн обогнала рекордную довоенную цифру (5,2 миллиона тонн). Таким образом, Франция с промышленной точки зрения не имеет необходимости искать сближения с нами. Не говоря уже о том, что французы и в прежнее время вывозили к нам мало средств производства, мало машин, вывозили, главным образом, шампанское, шелка, дамские шляпы и др. предметы роскоши. Я не думаю, чтобы наш нэпман, хотя он и кажется нам очень жирным, мог бы потребить в таком большом количестве дамские шелка, шляпы и шампанское, чтобы у Франции был серьезный расчет его этим снабжать. И в прежнее время Россия не была главным клиентом для Франции. И в Англии, и во Франции причину сближения с Россией нужно искать в политическом моменте. Почему Эррио хочет искать сближения с нами и, если верить газетам, го-

товит в высокой степени комичную ноту о том, как со времен Алексея Михайловича Россия и Франция всегда были друзьями, к чему же теперь им ссориться? Если Эррио совершает такой жест, то ясно, почему: к нему пришли являющиеся главной его опорой французские социалисты и сказали: «милый господин Эррио, мы больше обманывать своих рабочих не можем, они не верят, окончательно не верят; и если вы не совершите какого-нибудь эффектного жеста, который показал бы, что вы очень хороший человек, то мы не ручаемся за последствия». Вот ведь Марти в России, и Анатоль Франс умер чем-то вроде коммуниста, так что положение плохое. Эррио видит, что спасать положение как-то нужно эффектным жестом, и, вспоминая царя Алексея Михайловича, говорит: «давайте будем друзьями».

Значит, скажете вы, мы собираемся помогать буржуазии надувать западно-еврепейский пролетариат? Нет, товарищи, история показала, что надуть пролетариат нельзя, но мы должны использовать тот хотя бы частичный успех у западно-европейского рабочего движения, который, несмотря на все явные его пробелы и прорехи, все-таки является колоссальным сдвигом, огромным броском вперед. К нам идут все империалистские правительства, погоняемые плетью, которую держит в руках их же пролетариат. Вот причина всех этих признаний. Само собой разумеется, что люди, которые нас признают, надеются этим купить себе еще несколько лет жизни. Но это заблуждение. Я напомню вам такой факт: когда заключался Брестский мир, многие из нас скулили, что это пагубно подействует на европейский и, в частности, на германский пролетариат, вредно отразится на его настроениях и действиях. И что же: не прошло нескольких месяцев, как произошла

германская революция. Расстанемся раз навсегда с психологической манерой об'яснения, заимствованной нами от буржуазных историков. Все расчеты империалистских правительств купить себе несколько лет жизни признанием рабочего правительства ни к чему не приведут и ни о чем не свидетельствуют, кроме того, что в начатой нами осенью 17 года грандиозной борьбе с империализмом нам действительно удалось занять прочное положение, что мы в империализм вогнали двойной клин, во-первых, западно-европейским пролетарским движением, во-вторых могучим национальным движением в восточных крестьянских странах. Если сравнить то положение вещей, какое было осенью 17-го года, когда с тов. Троцким не хотели разговаривать машинистки бывшего министерства иностранных дел, с теперешним положением, когда жаждут с нами разговаривать такие господа, как Эррио, то ясна становится разница между тогдашним положением и теперешним. На эту международную сторону нашей революции я и хотел обратить ваше внимание.

Перед вами будет еще целый ряд инструктивных докладов, в которых товарищи изложат факты, характеризующие положение нашего хозяйства и развитие промышленности за это время. Я хотел взять нашу пролетарскую революцию, как мировой фактор, в ее отношении к мировому империализму.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕНА 20 коп.



